

КЕН ФОЛЛЕТТ

НОЧЬ НАД ВОДОЙ

*Рейс класса люкс над Атлантикой.
Посадка не предусмотрена?!*

Бестселлеры Кена Фоллетта

Кен Фоллетт
Ночь над водой

«Издательство АСТ»

1991

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

Фоллетт К.

Ночь над водой / К. Фоллетт — «Издательство АСТ»,
1991 — (Бестселлеры Кена Фоллетта)

ISBN 978-5-17-150262-1

Роскошный авиалайнер, совершающий трансатлантический перелет. На борту – только богатые и знаменитые. Эксцентричный английский лорд... Светская дама и ее спутник... Брат и сестра – наследники огромного состояния... Двое обаятельных джентльменов, о которых неизвестно ничего... Престарелая аристократка-эмигрантка... Каждому из них есть что скрывать. Они, сами того не подозревая, приближаются к катастрофе. Кому удастся выжить? И какой ценой?!

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

ISBN 978-5-17-150262-1

© Фоллетт К., 1991
© Издательство АСТ, 1991

Содержание

Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	34
Глава четвертая	50
Глава пятая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Кен Фоллетт

Ночь над водой

Ken Follett

NIGHT OVER WATER

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Writers House, LLC и Synopsis.

Серия «Шпионский детектив: лучшее»

© Ken Follett, 1991

© Перевод. А. А. Файнгар, наследники, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

* * *

Моей сестре Ханне – с любовью

Я признателен многим людям и организациям, которые помогли мне изысканиями, связанными с этой книгой. Прежде всего:

в Нью-Йорке – компании «Пан-Американ», особенно ее библиотекарю Ливе Цю;

в Лондоне – лорду Уиллису;

в Манчестере – Крису Мейкпису;

в Саутхемптоне – Рэю Фэйси из Ассоциации английских портов, Яну Синклеру из военно-воздушной базы в Хайте;

в Фойнесе – Маргарет О'Шонесси из Музея летающих лодок;

в Ботвуде – Типу Эвансу из Ботвудского музея исторического наследия и гостеприимным жителям Ботвуда;

в Шедьяке – Нэду Белливу и его семье и Чарльзу Аллэну из музея Монктона;

бывшим служащим «Пан-Американ» и членам экипажей, летавших на «Клипере», – Мэдлин Кьюниф, Бобу Фордаису, Лью Линдсею, Джиму Маклеоду, Стейтсу Миду, Роджеру Волину и Стену Зиделису;

за установление контакта с большинством из этих людей и организаций – Дэну Стареру и Пэм Мендез.

Воздушное пассажирское сообщение между Соединенными Штатами Америки и Европой впервые открылось летом 1939 года. Продержалось оно всего несколько недель: его пришлось прекратить, когда Гитлер вторгся в Польшу.

В этом романе рассказывается о последнем полете подобного рода, состоявшемся через несколько дней после объявления войны. Имена пассажиров и членов экипажа, как и сам полет, – вымышлены. Однако самолет такого типа в действительности существовал.

В сентябре 1939 года английский фунт стерлингов был равен 4 долларам 20 центам США.

Шиллинг составлял двадцатую часть фунта, то есть был равен 21 центу.

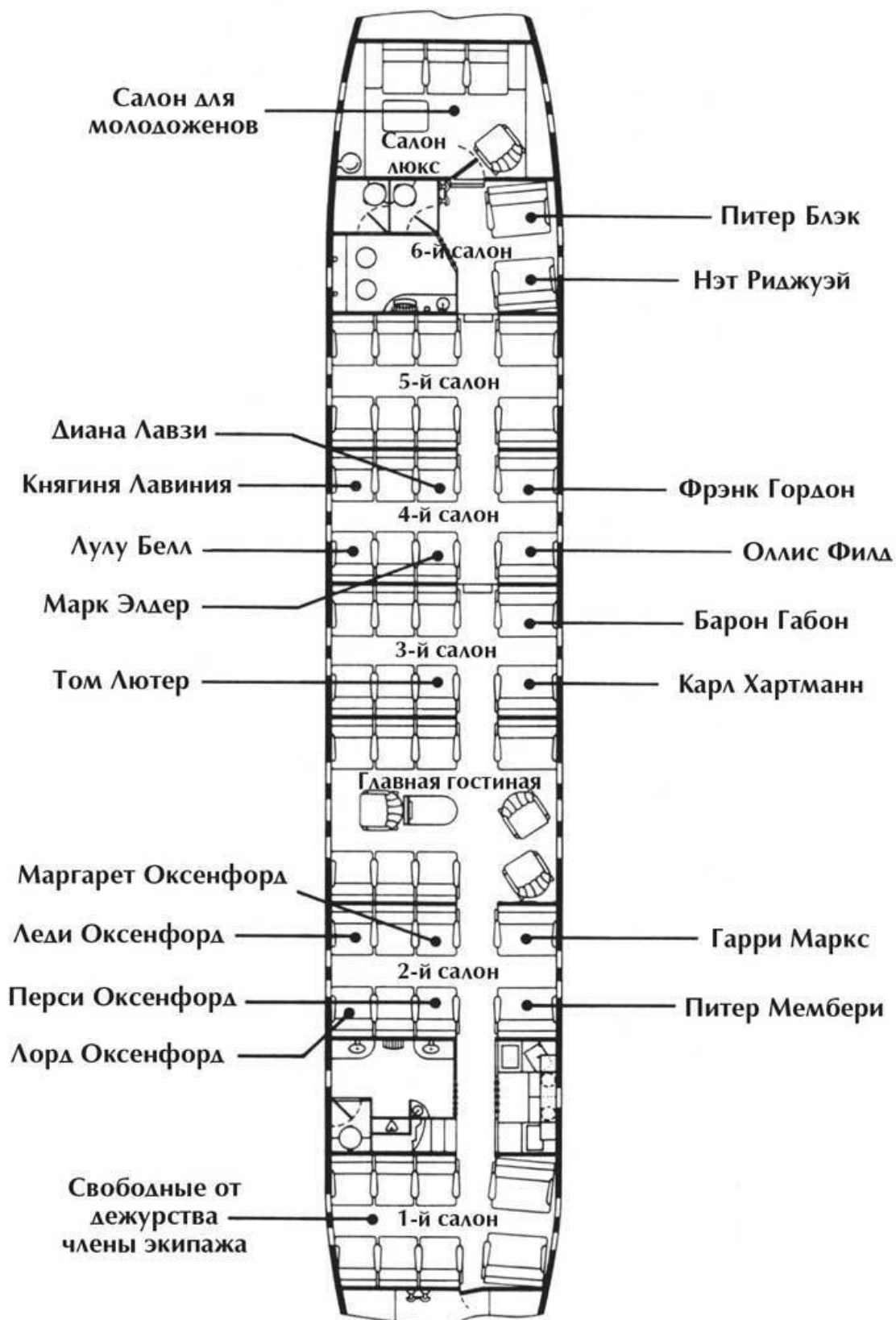
Пенс составлял двенадцатую часть шиллинга, то есть был равен примерно 2 центам.

Гинейя равнялась фунту с шиллингом, то есть была равна 4 долларам 41 центу.

ПЛАН ПАССАЖИРСКОГО САЛОНА Суперклипера компании «Пан-Американ»,

модель «Боинг-314», число пассажиров в дневном полете: 74,
в ночном полете: 40, размах крыльев: 152 фута,
фюзеляж: 106 футов, мощность: четыре двигателя «Райт-Циклон»,
по 1500 лошадиных сил каждый.

Часть первая

Англия

Глава первая

Ничего романтичнее этого самолета придумано до сих пор не было.

Стоя на пирсе Саутхемптона в половине первого в день объявления войны, Том Лютер глядел в небо с чувством нетерпения и страха. Он ждал прибытия самолета. Лютер мурлыкал едва слышно одну и ту же вступительную мелодию бетховенского концерта «Император», возбуждающую и как нельзя более уместно воинственную.

Вокруг собралась толпа – энтузиасты воздухоплавания, мальчишки, зеваки. Лютер вспомнил, что это девятое приводнение «Клипера» компании «Пан-Американ» у причала Саутхемптона, однако ощущение новизны еще не пропало. Самолет был настолько необыкновенный, настолько захватывал дух, что люди жаждали на него поглазеть даже в тот день, когда их страна вступила в войну. Неподалеку от того же причала стояли два внушительных океанских судна, вздымавшихся над головами людей, но плавучие отели утратили свою прежнюю магию: все глаза были устремлены в небо.

Люди говорили о войне, в ушах Лютера звучали их голоса с чисто английским акцентом. Детей перспектива военных действий приводила в восторг, мужчины со знанием дела рассуждали о танках и артиллерии, только женщины мрачно молчали. Будучи американцем, Лютер надеялся, что его страна не ввяжется в войну: зачем она Америке? Что касается нацистов, то одно о них можно сказать определенно – они жестко противостоят коммунизму.

Лютер занимался бизнесом, производством шерстяных тканей, и в не столь давнее время имел на своей фабрике массу неприятностей от красных. Он буквально зависел от их благосклонности, и они едва его не разорили. До сих пор не может вспоминать об этом спокойно. Магазин мужской одежды его отца, можно сказать, сровняли с землей еврейские конкуренты, а потом коммунисты – в основном те же евреи! – взялись и за «Сукно Лютера». Тогда он познакомился с Рэем Патриаркой, и жизнь Лютера перевернулась к лучшему. Люди Патриарки знали, как нужно поступать с коммунистами. Для начала участились разного рода несчастные случаи. У одного из самых горячих активистов затянуло руку в ткацкий станок. Профсоюзного зазывалу убили в драке. Двое рабочих, которые жаловались на отсутствие техники безопасности, оказались участниками потасовки в баре и попали в больницу. Женщина-смутьянка, подавшая на компанию Лютера в суд, забрала свой иск назад, когда у нее вдруг сторел дом. Патриарке хватило пары недель: больше волнений не было. Рэй Патриарка знал то, что до него понял Гитлер: с коммунистами следует поступать как с тараканами – давить. Лютер даже пристукнул ногой, продолжая напевать Бетховена.

От причала для летающих лодок авиакомпания «Империял Эйруэйз» в Хайте отчалил катер и начал курсировать взад-вперед по лагуне вдоль посадочной зоны, подбирая плавающий мусор. Шепот нетерпения прошелестел в толпе: значит, самолет уже близко.

Первым увидел его мальчишка в больших новых ботинках. Бинокла у него не было, но глаза одиннадцатилетнего ребенка оказались сильнее линз.

– Вот он! – завизжал паренек. – «Клипер» летит! – Он показывал на юго-запад.

Все головы повернулись в ту же сторону. Сначала Лютер разглядел лишь смутное пятнышко, которое вполне могло оказаться птицей, но скоро очертания проступили четче, и возбужденный гул пробежал по толпе: люди подтверждали, что мальчик прав.

К этому самолету прилепилось прозвище «Клипер», но официально он назывался «Боинг-314». «Пан-Американ» заказала компании «Боинг» спроектировать самолет, способный перевозить пассажиров через Атлантику в обстановке полного комфорта, и вот результат: громадный, величественный, неимоверно мощный воздушный лайнер – настоящий летающий дворец. Авиакомпания получила шесть машин и заказала еще шесть. По элегантности и комфорту они ничуть не уступали океанским пассажирским судам, стоявшим у пристани Саутхемптона, но те пересекали Атлантику за четыре-пять дней, а «Клиперу» на это требовалось от двадцати пяти до тридцати часов.

Он похож на крылатого кита, подумал Лютер, когда самолет приблизился. Крупная тупая морда, как у кита, массивное туловище и сужающийся хвост, завершающийся двумя высоко вздернутыми плавниками. Под крыльями можно было разглядеть пару обрубленных крыльев, предназначенных для устойчивости самолета, когда он плывет по воде. На днище машины виден острый будто нож киль, совсем как у быстроходных катеров.

Вскоре стали различимы большие прямоугольные иллюминаторы, вытянувшиеся двумя асимметричными линиями, обозначавшими два уровня фюзеляжа. Лютер прилетел в Англию на «Клипере» ровно неделю назад и потому был знаком с его внутренним устройством. Верхний этаж состоял из кабины пилотов и багажных отсеков, нижний – целиком отдан пассажирам. Вместо сидений, выстроившихся рядами, тут были устроены следующие один за другим салоны с диванами-кроватями. Когда наступало время еды, главный салон превращался в столовую, ночью диваны преобразались в кровати.

Все было сделано для того, чтобы изолировать пассажиров от внешнего мира и неблагоприятных погодных условий за иллюминаторами. Толстые ковры, мягкое освещение, бархатная обивка, успокаивающие краски, тяжелые портьеры. Надежная шумоизоляция превращала рев мощных двигателей в отдаленный умиротворяющий гул. Капитан спокоен и властен, команда в униформе компании красива как на подбор, стюарды вежливы и внимательны. Учтены любые надобности, еда и напитки подавались по первому требованию, все, чего можно было пожелать, появлялось точно по волшебству, в том числе и свежая клубника на завтрак, на ночь постели закрывались занавесками. Внешний мир начинал казаться нереальным, похожим на кадры фильма, как бы возникающие в иллюминаторах, мир внутри самолета превращался в самодостаточную Вселенную.

Этот комфорт обходился недешево. Билет туда и обратно стоил шестьсот семьдесят пять долларов – половина цены небольшого дома. Пассажирами являлись в основном королевские особы, кинозвезды, председатели правлений крупных корпораций и президенты небольших стран.

Том Лютер не принадлежал ни к одной из этих категорий. Он был богат, но деньги доставались ему нелегко, и в нормальных обстоятельствах Лютер предпочитал ими не швыряться. Однако ему пришлось познакомиться с этим самолетом. Некое могущественное лицо поручило Лютеру опасное задание – прямо сказать, очень опасное. Денег ему оно не сулило, но сделать этого весьма влиятельного человека обязанным за оказанную услугу было дороже любых денег.

Правда, задание могут еще отменить: должен поступить последний сигнал. Лютер то с нетерпением ожидал этого сигнала, то надеялся, что ему все-таки ничего не придется делать.

Самолет снижался под углом, задрав вверх носовую часть. Он был уже совсем близко, и Лютер в который раз подивился его громадным размерам. Он знал, что длина его сто шесть футов, а расстояние между кончиками крыльев – сто пятьдесят два фута, но цифры остаются всего лишь цифрами, пока сам не увидишь, как эта штукавина проносится у тебя над головой.

На какой-то момент создалось впечатление, что воздушный лайнер не летит, а падает и вот-вот плюхнет камнем в море и пойдет ко дну. Затем показалось, что он завис над самой поверхностью воды, словно подвешенный на веревке и надолго застывший в нерешительности. Наконец самолет коснулся воды, заскользил, разрезая вершины волн, будто камень, брошен-

ный по поверхности воды, и вздымая горы пены. Волнение в защищенной от штормов лагуне было крайне незначительным, и в следующее мгновение корпус авиалайнера опустился в воду, подобно взрыву взметнув вверх новые тучи брызг.

Он разрезал носом поверхность, оставляя за собой белую борозду и высоко раскидывая по обеим сторонам облачка водяной пыли, и самолет напомнил Лютеру утку, садящуюся на озеро, раскрыв крылья и поджав лапки. Фюзеляж опустился ниже, отчего водяная завеса по обеим его сторонам стала еще гуще, и тут же рванулся вперед. Пока самолет выравнивался, глубже погружая в воду свое китовое брюхо, брызг не стало меньше. Наконец его нос опустился. Скорость медленно угасала, тучи брызг сменились накатом волн, самолет тихо и смиренно заскользил по поверхности акватории, подобно кораблю, чем он, в сущности, и был сейчас, словно никогда не помышлял о том, чтобы взмыть в небо.

Лютер вдруг понял, что во время посадки он невольно задержал дыхание, и теперь выдохнул со стоном облегчения. И снова принялся напевать любимую мелодию.

Самолет медленно приближался к пристани. Неделию назад Лютер сошел с нее на землю. Пристань представляла собой паром специальной конструкции с причалами по обеим сторонам. Через несколько минут самолет с носа и хвоста привяжут канатами к пиллерсам и потянут задним ходом на стоянку между причалами. Затем первыми из двери, расположенной над широким водным крылом, появятся привилегированные пассажиры, пройдут по нему на пристань и оттуда по мосткам переберутся на твердую землю.

Лютер отвернулся и тут же замер. За его плечами стоял человек, которого он до сих пор не заметил: мужчина почти одного с ним роста в темно-сером костюме и котелке, словно клерк, задержавшийся по дороге в контору. Лютер собирался было пройти мимо него, но, приглядевшись внимательнее, понял, что это вовсе не клерк. Высокий лоб, ярко-голубые глаза, длинный подбородок и тонкие жесткие губы. Постарше Лютера, лет эдак сорока, но широкий размах плеч говорил об отличной физической форме. Красив, но в этой красоте таилось нечто опасное. Он посмотрел Лютеру прямо в глаза.

Бетховенская мелодия оборвалась в голове Тома Лютера.

– Я – Генри Фабер, – представился мужчина.

– Том Лютер.

– У меня для вас сообщение.

Сердце Лютера екнуло. Он попытался скрыть волнение и заговорил такими же отрывочными фразами:

– Что ж. Валяйте.

– Человек, который вас интересуется, в среду вылетает этим самолетом в Нью-Йорк.

– Вы уверены?

Мужчина жестко посмотрел на Лютера и ничего не ответил.

Лютер мрачно кивнул. Значит, задание не отменяется. Все лучше, чем неопределенность.

– Благодарю вас.

– Это не все.

– Слушаю.

– Есть и вторая часть послания: не подведите нас.

Лютер глубоко вздохнул.

– Скажите им, чтоб не волновались, – сказал он с уверенностью в голосе, какой на самом деле не чувствовал. – Этот тип, быть может, вылетит из Саутхемптона, но в Нью-Йорке ему не бывать.

Ангар технического обслуживания компании «Империял Эйруэйз» располагался на другой стороне лагуны от саутхемптонского причала. Механики компании обслуживали «Клипер»

под наблюдением бортинженеров «Пан-Американ». На данном рейсе бортинженером являлся Эдди Дикин.

Это была серьезная работа, и на нее отводилось целых три дня. После высадки пассажиров на стоянке номер сто восемь «Клипер» на буксире отгоняли в Хайт. Там, на воде, «Клипер» устанавливали на подвижную платформу и по стапелям, подобно киту, уложенному на каталку, загоняли в огромный зеленый ангар.

Во время трансатлантического перелета невероятная нагрузка ложилась на двигатели. На самом длинном отрезке маршрута, от Ньюфаундленда до Ирландии, самолет находился в воздухе в течение девяти часов (а на обратном пути, против доминирующих в этом регионе ветров, полет затягивался до шестнадцати с половиной часов). Час за часом поступало топливо, свечи давали искру, четырнадцать поршней в четырнадцати цилиндрах каждого из четырех громадных двигателей без устали двигались вверх и вниз, а пятиметровые пропеллеры рассекали облака, дожди и бури.

В этом для Эдди и заключалась инженерная романтика. Просто поразительно, как мог человек создать двигатели, четко и бесперебойно работающие много часов подряд! Столько всего в этом сложном организме могло дать сбой, столько движущихся частей нужно было изготовить с немыслимой точностью и подогнать одну к другой, чтобы их не сорвало, не заклинило, чтобы они просто не износились, таща на себе самолет весом в сорок одну тонну на расстояние больше тысячи миль.

Утром в среду «Клипер» будет готов проделать все это снова.

Глава вторая

Начало войны пришлось на прекрасный, мягкий и солнечный воскресный день позднего лета.

За несколько минут до того, как эту новость сообщили по радио, Маргарет Оксенфорд вышла из просторного кирпичного особняка, родительского дома, недовольная тем, что ее заставили идти в церковь, да еще в пальто и шляпе в такую жару. В дальнем конце деревни раздавался монотонный перезвон единственного колокола с церковной колокольни.

Маргарет терпеть не могла церковь, но отец и слышать не хотел о том, чтобы она пропустила службу, хотя ей уже исполнилось девятнадцать и она стала достаточно взрослой, чтобы самой решать, как ей относиться к религии. Год назад она набралась мужества и заявила ему, что ходить туда не желает, но отец от нее просто отмахнулся. Маргарет тогда сказала ему: «Не кажется ли тебе, что с моей стороны будет лицемерием ходить в церковь, не веруя в Бога?» Отец ответил: «Не будь смешной», только и всего. Поверженная и рассерженная, она сразу же пришла к матери, объявив той, что, достигнув совершеннолетия, никогда больше не переступит церковного порога, на что мать возразила: «Это будет всецело зависеть от твоего мужа, дорогая». Споры для них троих на том и закончились, но Маргарет не могла скрыть раздражение каждое воскресное утро.

Из дома вышли ее сестра и брат. Элизабет исполнился двадцать один. Она была высокого роста, нескладная и некрасивая. Сестры с течением времени узнали друг о друге все. Многие годы они всегда были рядом, никогда не ходили в школу и получили беспорядочное образование от домашних учителей и гувернанток. У них никогда раньше не имелось друг от друга секретов. Но в недавнее время они начали отдаляться. Повзрослев, Элизабет усвоила традиционно строгие родительские ценности и представления: она была крайне консервативной роялисткой, слепа к новым идеям и враждебна к переменам. Маргарет двинулась в прямо противоположном направлении. Она стала феминисткой и социалисткой, интересовалась джазовой музыкой, кубистской живописью и верлибром. Элизабет считала Маргарет, заразившуюся радикальными идеями, нелояльной по отношению к семье. Маргарет раздражала глупость сестры, но ее глубоко огорчало и печалило, что они больше не близки, как когда-то раньше. А иных друзей у нее практически не было.

Перси исполнилось четырнадцать. Он был равнодушен к радикальным идеям, но в него вселилась обычная в его возрасте злобность, и Перси сочувствовал бунтарству сестры Маргарет. Оба они, страдая от отцовской тирании, ободряли и поддерживали друг друга, а Маргарет просто души в нем не чаяла.

Минутой позже появились родители. Отец надел чудовищный оранжево-зеленый галстук. Он был невосприимчив к цвету, хотя скорее всего этот галстук купила мать. У матери были рыжие волосы и глаза цвета морской волны, бледное, покрашенное лицо, и вся она словно источала оранжево-зеленое сияние. В черных волосах отца появилась седина, лицо приобрело багровый оттенок, и галстук на нем смотрелся как сигнал тревоги.

Элизабет, с ее черными волосами и неправильными чертами лица, походила на отца. Маргарет напоминала мать, ей был бы к лицу шарф расцветки отцовского галстука. Перси менялся настолько стремительно, что никто не взялся бы сказать, чьи черты он в конечном счете унаследует.

Они зашагали по длинной дороге, что начиналась за воротами, в направлении небольшой деревни. Отцу принадлежала значительная часть домов и ферм на многие мили от дома. Богатство не было его заслугой: серия браков в начале девятнадцатого века соединила три самые состоятельные семьи землевладельцев в графстве, и возникшее в результате громадное имение передавалось в целостности и сохранности от поколения к поколению.

Пройдя по деревенской улице и через зеленую лужайку, они подошли к церкви, сложенной из серого камня. Входили в нее в строго определенном порядке: сначала отец и мать, за ними Маргарет с Элизабет, шествие замыкал Перси. Когда Оксенфорды пробирались по проходу к своей скамье, прихожане-односельчане в знак приветствия прикладывали пальцы ко лбам. Фермеры побогаче, все без исключения отцовские арендаторы, почтительно кланялись, представители среднего сословия – доктор Роуан, полковник Смайс и сэр Альфред – вежливо кивали. Этот смешной ритуал всякий раз заставлял Маргарет сгорать от стыда. Разве не все люди равны перед Всевышним? Ей хотелось крикнуть: «Мой отец ничем не лучше любого из вас и гораздо хуже многих!» Может быть, уже совсем скоро она наберется храбрости. Если Маргарет устроит сцену в церкви, ей, наверное, путь туда будет наконец закрыт. Но пугала мысль о том, как может поступить со своей непокорной дочерью ее отец.

Когда они подошли к своей скамье и все глаза были устремлены на них, Перси произнес театральным шепотом, но достаточно громко, чтобы его услышали:

– Замечательный галстук, папа.

Маргарет едва удержалась от хохота. Они с Перси быстро сели и спрятали лица руками, точно в молитве, пока не прошел приступ смеха. Наконец она успокоилась.

Викарий произнес молитву о блудном сыне. Маргарет подумала, что старый дурак мог бы выбрать тему более созвучную тому, что было у всех на уме: близость войны. Премьер-министр направил Гитлеру ультиматум, который фюрер проигнорировал, и объявление войны ожидалось с минуты на минуту.

Маргарет боялась войны. Парень, которого она любила, погиб на Гражданской войне в Испании. Это случилось больше года назад, но она все еще изредка плакала по ночам. Для нее война означала, что тысячи девушек постигнет такое же горе. Мысль эта была невыносима.

И все же какой-то частью своей души она хотела войны. На протяжении нескольких лет Маргарет до боли страдала из-за трусости, проявленной Британией во время войны в Испании. Ее страна стояла в сторонке и наблюдала, как шайка бандитов, вооруженных Гитлером и Муссолини, свергает избранное народом социалистическое правительство. Сотни молодых идеалистов со всей Европы отправились в Испанию сражаться за демократию. Им не хватало оружия, а демократические правительства мира отказались его поставлять; молодые люди гибли, а Маргарет и ей подобные испытывали гнев, стыд и бессилие. Если Британия выступит теперь против фашизма, Маргарет сможет снова гордиться своей страной.

Была и другая причина, заставлявшая ее сердце стучать сильнее при мысли о войне. Потому что война наверняка положит конец жалкому, унижительному существованию Маргарет в доме родителей. Ее душили, приводили в отчаяние их невыносимо унылые, неизменные ритуалы, их бессмысленное светское времяпрепровождение. Она хотела бежать, зажить собственной жизнью, но это казалось невысказанным: Маргарет не достигла совершеннолетия, у нее не имелось денег, она не чувствовала себя годной к какой бы то ни было работе. Но конечно, с жаром уверяла Маргарет себя, все изменится, как только начнется война.

Она с восторгом читала о том, как в прошлую войну женщины переодевались в брюки и шли работать на заводы. Теперь женские подразделения есть в армии, во флоте, в авиации. Маргарет мечтала записаться добровольцем во Вспомогательную территориальную службу (ВТС) – женскую армию. Единственный практический навык, которым она владела, – это вождение машины. Отцовский шофер Дигби научил ее управлять «роллс-ройсом», а Ян, погибший друг, позволял ей гонять на мотоцикле. Она могла бы управиться и с моторной лодкой, недаром у отца была маленькая яхта в Ницце. В ВТС потребуются водители санитарных машин и мотоциклисты-связные. Она представляла себя в форме, со шлемом на голове, мчащуюся с бешеной скоростью на мотоцикле с важным рапортом с одного поля боя на другое, а фото Яна будет всегда в нагрудном кармане ее гимнастерки цвета хаки. Она была уверена в своей храбрости, лишь бы только дали шанс.

Войну и в самом деле объявили, пока шла служба, о чем прихожане узнали несколько позже. В одиннадцать двадцать восемь, во время службы, объявили даже воздушную тревогу, но до деревни эта новость не дошла, да и сама тревога оказалась ложной. Так и получилось, что семья Оксенфорд отправилась из церкви домой, не зная, что началась война с Германией.

Перси изъявил желание взять ружье и поохотиться на зайцев. Стрелять умели все – это было любимое семейное увлечение, почти одержимость. Но отец, разумеется, запретил, потому что по воскресеньям это не полагалось. Перси расстроился, но подчинился. Хотя в нем и сидела частица дьявола, он еще не дорос до того, чтобы открыто перечить отцу.

Маргарет нравилось озорство брата. Он был единственным солнечным лучиком в ее мрачной жизни. Временами ей тоже хотелось подтрунивать над отцом и посмеиваться за его спиной, как это делал Перси, но Маргарет понимала, что шуточками ничего не добьется.

Дома они с удивлением увидели босоногую горничную, поливающую цветы в холле. Отец ее не узнал.

– Кто вы такая? – рявкнул он.

– Ее фамилия Дженкинс, – с мягким американским акцентом объяснила мать. – Она служит у нас с этой недели.

Девушка отвесила поклон.

– А где, черт возьми, ее туфли? – спросил отец.

На лице девушки мелькнуло недоумение, и она бросила укоризненный взгляд на Перси:

– Извините, ваша светлость, но молодой лорд Ислей... – Граф Ислей – титул Перси. – Он сказал мне, что горничные в знак уважения к хозяевам должны по воскресеньям ходить босиком.

Мать вздохнула, отец сердито заворчал. Маргарет не удержалась и хмыкнула. Это была любимая проказа Перси: рассказывать новым слугам о домашних правилах, разумеется, вымышленных. Он говорил всякие смехотворные вещи с невозмутимым лицом, и, учитывая, что за семьей закрепилась репутация людей взбалмошных, его выдумкам верили.

Перси всегда умел рассмешить Маргарет, но сейчас ей было жаль бедную горничную, босоногую, с глупым выражением на лице.

– Пойди обуйся, – сказала мать.

– И не верь ни одному слову лорда Ислея, – добавила Маргарет.

Они сняли шляпы и вошли в маленькую столовую при кухне. Маргарет дернула Перси за волосы и прошептала:

– Это жестоко с твоей стороны.

Перси только улыбнулся: он был неисправим. Брат однажды сказал викарию, что отец ночью умер от сердечного приступа, и вся деревня находилась в трауре, пока не выяснилось, что это вранье.

Отец включил радиоприемник, и вот тут-то они услышали, что Британия объявила войну Германии.

Маргарет почувствовала дикую радость в груди, какую испытывала от быстрой езды на машине или когда взбиралась на верхушку высокого дерева. Больше не нужно мучиться неизвестностью: будут трагедии и горе, боль и печаль, но это теперь неизбежно, жребий брошен, и остается только одно – сражаться. От этой мысли сердце ее забило сильнее. Все теперь пойдет по-иному. Станет не до общественных условностей, женщины тоже будут сражаться, классовые барьеры рухнут, все начнут работать сообща. Она уже ощущала на губах вкус свободы. Начнется война с фашистами, теми самыми, что убили беднягу Яна и еще тысячи прекрасных молодых людей. Маргарет не считала себя мстительной, но, думая о борьбе с фашистами, она жаждала мести. Чувство было незнакомое, одновременно пугающее и волнующее.

Отец был вне себя от возмущения. И без того полный и краснолицый, когда гневался, он, казалось, теперь вот-вот лопнет.

– Проклятый Чемберлен! – закричал он. – Жалкий и ничтожный негодяй!

– Олджернон, пожалуйста, не надо, – попыталась остановить мать поток его брани.

Отец когда-то принимал участие в основании Британского фашистского союза. В те времена он был совсем другим человеком: не только моложе, но и стройнее, красивее и не таким вспыльчивым. Он умел очаровывать людей, завоевывать их расположение. Написал противоречивую брошюру под названием «Полукровки: угроза расового вырождения» – о том, что цивилизация покатилась под откос с тех пор, как европейцы начали смешиваться с евреями, азиатами и даже неграми. Он вступил в переписку с Адольфом Гитлером, которого считал самым выдающимся государственным деятелем после Наполеона. Каждый уик-энд он устраивал пышные приемы для политиков, в том числе иностранных, а однажды – это было незабываемое событие – на прием явился даже король. Беседы затягивались далеко за полночь, дворецкий без устали подносил из подвала бренди, пока лакеи позевывали в вестибюле. Все годы Депрессии отец ждал, когда страна призовет спасти ее в трудную минуту и предложит ему пост премьер-министра в правительстве национального возрождения. Но никто его не звал. Субботних приемов поубавилось, они стали не столь шикарными, все больше знатных особ публично отрекались от Британского фашистского союза. И отец в конце концов стал озлобленным, разуверившимся человеком. Прежний его шарм улетучился вместе с самоуверенностью. Некогда красивое лицо исказилось от озлобления, скуки и алкоголя. А что касается ума, то вряд ли вообще это была сильная сторона отца: Маргарет прочитала его брошюру и нашла ее не только лживой, но и глупой.

В последние годы политическая платформа отца сузилась до одной навязчивой идеи: Британия и Германия должны объединиться против Советского Союза. Он пропагандировал ее в журнальных статьях и письмах редакторам газет и в тех все более редких случаях, когда его приглашали выступить на политических митингах и в дебатах в студенческих сообществах. Он упрямо отстаивал свою идею вопреки тому, что события в Европе делали ее все более нереалистичной. С началом войны между Британией и Германией надежды его окончательно рушились, и Маргарет в смятении противоречивых чувств подумала даже, что ей немного жаль отца.

– Англия и Германия уничтожат друг друга, и в Европе воцарится атеистический коммунизм! – заявил он.

Упоминание об атеизме всколыхнуло в душе Маргарет постоянную обиду: о ее вынужденной обязанности посещать церковь.

– Мне все равно, я атеистка, – объявила она.

– Это немыслимо, дорогая, – отозвалась мать. – Ты принадлежишь к англиканской церкви.

Маргарет не удержалась от смеха. Элизабет, готовая разрыдаться, с горечью произнесла:

– Как ты можешь смеяться? Ведь произошла трагедия!

Элизабет восхищалась нацистами. Она говорила по-немецки – благодаря немке-гувернантке, задержавшейся в семье Оксенфордов дольше других воспитателей и учителей, обе сестры хорошо знали немецкий, – несколько раз ездила в Берлин и дважды обедала с самим фюрером. Маргарет считала нацистов снобами, которым льстило восхищение английской аристократки.

Маргарет повернулась к Элизабет:

– Настало время всем нам подняться против этих бандитов.

– Они не бандиты! – возмутилась Элизабет. – Это гордые, сильные, чистокровные арийцы, и то, что наша страна вступила с ними в войну, – настоящая трагедия. Отец прав – белые люди уничтожат друг друга, и мир достанется полукровкам и евреям.

Маргарет не желала слушать эту галиматью.

– Не вижу в евреях ничего плохого! – воскликнула она.

Отец поднял вверх палец:

– В них нет ничего плохого, *когда они знают свое место.*

– Согласно твоей фашистской теории, это место под каблуком солдатского сапога. – Она чуть не сказала «согласно твоей *мерзейшей* теории», но вдруг испугалась и сдержалась. Слишком сильно сердить отца было небезопасно.

– А по твоей большевистской теории, евреи должны всеми командовать! – вскинулась Элизабет.

– Я не большевичка, я – социалистка.

Перси, передразнивая акцент матери, печально произнес:

– Это немыслимо, дорогая, ты же принадлежишь к англиканской церкви.

Маргарет против собственного желания опять расхохоталась, и снова ее смех возмутил сестру:

– Ты хочешь разрушить все чистое и прекрасное, которое для тебя лишь повод для смеха.

Этот выпад вряд ли заслуживал ответа, но Маргарет все же хотелось высказать свою точку зрения. Она повернулась к отцу:

– Ну, насчет Невилла Чемберлена я с тобой согласна. Он значительно ослабил наши военные позиции, позволив фашистам захватить Испанию. Теперь враг не только на востоке, но и на западе.

– Чемберлен вовсе не отдал Испанию фашистам, – возразил отец. – Британия подписала с Германией, Италией и Францией пакт о невмешательстве. Мы всего лишь оставались верны своему слову.

Это было сплошное лицемерие, что он сам хорошо понимал. Маргарет даже покраснела от возмущения.

– Мы оставались верны своему слову, тогда как немцы и итальянцы нарушили свое! – запротестовала она. – Потому-то фашисты получили оружие, а демократам не помог никто... Кроме героев-добровольцев.

Воцарилась неловкая тишина, которую нарушила мать:

– Мне ужасно жаль, что Ян погиб, дорогая, но он оказывал на тебя очень дурное влияние.

Внезапно Маргарет почувствовала, что сейчас разрыдается.

Ян Рочдейл воплощал все лучшее, что пока случилось в ее жизни, и боль при мысли о его смерти душила ее.

Годами она танцевала на охотничьих балах с пустоголовыми аристократами, юношами, у которых на уме не было ничего, кроме охоты и выпивки, и Маргарет уже почти отчаялась встретить человека своего возраста, такого, который был бы ей интересен. Ян вошел в ее жизнь как луч света; после его смерти она прозябала во мраке.

Он учился в Оксфорде на последнем курсе. Маргарет хотела бы поступить в университет, но вряд ли бы ее приняли: она не окончила школу. Однако Маргарет очень много читала – а что еще делать! – и радовалась встрече с человеком своего круга, с кем можно было обсуждать самые разные идеи. Он без какой-либо демонстрации чувства своего превосходства умел объяснять непонятные для нее вещи. Ян оказался самым здравомыслящим человеком из всех, с кем ей довелось познакомиться, он обладал безграничным терпением в споре и был начисто лишен интеллектуального тщеславия – никогда не делал вида, что понимает, если чего-то недопонимал. И Маргарет полюбила его с первой же встречи.

Долгое время она не воспринимала свое чувство к нему как любовь. Но однажды он объяснился с ней – неловко, с трудом подбирая слова, что было для него нехарактерно, – в конце концов выдавив: «Я думаю, что я тебя люблю. Это все испортит?» И тогда она радостно осознала, что тоже влюблена.

Он изменил всю ее жизнь. Маргарет словно перебралась в другую страну, где все было по-иному: пейзаж, погода, люди, еда. Ее все радовало. Тяготы жизни в родительском доме стали казаться мелочью.

Ян продолжал быть светочем в ее судьбе и после того, как вступил в Интернациональную бригаду и уехал в Испанию сражаться за законное социалистическое правительство против фашистских мятежников. Она гордилась им, потому что он смело отстаивал свои убеждения и был готов пойти на смерть за дело, в которое верил. Изредка от него приходили письма. Однажды он прислал стихи. Затем она получила письмо, где говорилось, что Ян погиб – его разорвало на части прямым попаданием снаряда, и Маргарет почувствовала, что ее жизнь кончилась.

– Дурное влияние, – с горечью повторила она слова матери. – Конечно. Ведь он научил меня ставить под сомнение догмы, не верить лжи, ненавидеть невежество и презирать лицемерие. Потому я и не вписываюсь в цивилизованное общество.

Отец, мать и Элизабет заговорили одновременно, но тут же смолкли, потому что ничего нельзя было разобрать, и наступившую паузу внезапно заполнил Перси:

– Кстати, о евреях. Я нашел в подвале любопытную картинку, она была в одном из старых стамфордских сундуков. – В Стамфорде, штат Коннектикут, жила семья матери. Перси извлек из кармана рубашки мятую, поблекшую коричневую фотографию. – Насколько мне известно, мою прабабушку звали Рут Гленкарри, верно? – спросил он мать.

– Да, это мама моей матери. Что же ты обнаружил, милый?

Перси передал фотографию отцу, и все сгрудились вокруг него. На снимке была запечатлена уличная сценка в американском городе, вероятнее всего, в Нью-Йорке, лет семьдесят назад. На переднем плане красовался еврей лет тридцати, с черной бородой, в рабочей одежде и шляпе. Он стоял возле тележки с точильным кругом. На тележке отчетливо проглядывала надпись «Рубен Фишбейн – точильщик». Рядом с ним стояла десятилетняя девочка в потрепанном ситцевом платье и тяжелых ботинках.

– Что это значит, Перси? – спросил отец. – Кто эти несчастные?

– Переверни снимок, – предложил Перси.

Отец перевернул фотографию. На обратной стороне было написано: «Руфь Гленкарри, урожденная Фишбейн, в возрасте 10 лет».

Маргарет посмотрела на отца. Его лицо исказилось от ужаса.

– Выходит, что мамин дедушка женился на дочери странствующего точильщика-еврея, но говорят, что в Америке такое в порядке вещей, – меланхолично заключил Перси.

– Это невозможно! – возмущенно возразил отец, но голос его дрожал, и Маргарет показалось, что он счел такое вполне вероятным.

– Между прочим, – безмятежно продолжал Перси, – у евреев национальность передается по материнской линии, значит, если бабушка матери была еврейкой, то я тоже еврей.

Отец побледнел. Мать озадаченно нахмурилась.

– Надеюсь, что немцы в этой войне не одержат победу, – обеспокоенно произнес Перси. – А то мне не разрешат ходить в кино, а матери придется пришивать желтые звезды к бальным платьям.

Это был уже перебор. Маргарет внимательно взглядела в слова, начертанные на обороте фотографии, и все поняла:

– Твой почерк, Перси!

– Вовсе нет!

Но все уже это увидели. Маргарет весело хохотала. Перси нашел где-то старую фотографию и сделал шокирующую отца надпись, чтобы разыграть его. Тот попался на удочку и был просто ошеломлен, что неудивительно: каково расисту обнаружить, что его жена и дети смешанной крови? И поделом ему.

– Ну что за чушь! – Отец швырнул фото на стол.

– Как ты можешь, Перси! – укоризненно произнесла мать.

Родители сказали бы еще что-нибудь, но в этот момент отворилась дверь, и Бейтс, дворецкий с весьма скверным характером, возвестил:

– Завтрак подан, ваша светлость.

Вся семья прошествовала через холл в столовую. Ясное дело: подадут пережаренный ростбиф, как всегда по воскресеньям. Мать же положит себе только салат, потому что не ест ничего жареного, уверенная, что огонь уничтожает полезные качества продуктов.

Отец прочитал молитву, и все сели. Бейтс предложил матери копченую лососину. Копченые, маринованные или иным способом сохраненные продукты, по ее теории, были в полном порядке.

– Конечно, нам остается только одно, – сказала мать, накладывая в тарелку предложенную ей на подносе рыбу. Говорила она безапелляционно, как бы напоминая нечто общеизвестное. – Мы все должны перебраться в Америку и оставаться там, пока не кончится война.

Все словно оцепенели.

– Нет! – в ужасе выпалила Маргарет.

– Думаю, на сегодня споров больше чем достаточно. Давайте хотя бы позавтракаем в покое и согласии, – смиренно произнесла мать.

– Нет! – снова крикнула Маргарет. От возмущения она почти потеряла дар речи. – Вы... вы этого не сделаете, это, это... – Маргарет хотела обрушиться на родителей, обвинить их в трусости и предательстве, кричать во весь голос о своем презрении к ним, протестовать, но слова застревали в горле. – Это нечестно! – только и выдавила она.

Но даже столь слабый протест показался отцу недопустимым.

– Если ты не в состоянии попридержать язык, избавь нас от своего присутствия!

Маргарет поднесла салфетку к губам, пытаясь сдержать рыдания, отодвинула стул, встала и выбежала из комнаты.

Конечно, они планировали это на протяжении нескольких месяцев.

Перси после завтрака заглянул в комнату Маргарет и рассказал все подробности. Дом будет заколочен, мебель затаянута чехлами, слуг распустят. Имение останется под надзором отцовского управляющего, который будет собирать арендную плату. Деньги останутся в банке, их нельзя переводить в Америку из-за валютных ограничений военного времени. Лошадей продадут, пледы засыпят нафталином, серебро надежно припрятут.

Элизабет, Маргарет и Перси разрешалось взять с собой по чемодану, остальное будет доставлено транспортной компанией. Отец забронировал билеты для всей семьи на «Клипер» компании «Пан-Американ», вылет в среду.

Перси потерял голову от возбуждения. Он уже летал на самолете, но «Клипер» – это совершенно другое дело. Самолет громадный и роскошный: несколько недель назад, когда полеты только начались, он не сходил с газетных полос. Полет в Нью-Йорк длится двадцать девять часов, и ночью, над Атлантикой, пассажиры ложатся спать.

Ничего не может быть возмутительнее, подумала Маргарет, они полетят в неслыханной роскоши, оставляя согражданам лишения, страдания, войну.

Перси убежал паковать, а Маргарет легла, уставившись в потолок, горько разочарованная, дрожа от гнева и заливаясь слезами от бессилия хоть как-то изменить свою судьбу.

Она пролежала в постели и не выходила из комнаты до утра следующего дня.

В понедельник, с рассвета, когда она еще лежала в постели, в комнату вошла мать. Маргарет приподнялась на подушках и с ненавистью взглянула на нее. Та устроилась за туалетным столиком и смотрела на отражение дочери в зеркале.

– Пожалуйста, не ссорься с отцом, – сказала она.

– Но это же трусость! – крикнула Маргарет.

Мать побледнела:

– Дело не в трусости.

– Бежать из страны, когда начинается война!

– У нас нет выбора. Мы должны уехать.

– Может быть, объяснишь почему?

Мать повернулась к ней и посмотрела дочери прямо в глаза:

– Иначе твоего отца бросят за решетку.

Для Маргарет это было полной неожиданностью.

– С какой стати? Быть фашистом – еще не преступление.

– Но есть закон о чрезвычайном положении. Нас предупредил сочувствующий отцу чиновник министерства внутренних дел. Отца должны арестовать в конце недели, если он будет к тому времени находиться на территории Англии.

Маргарет трудно было поверить, что отца хотят посадить в тюрьму, будто мелкого жулика. Все оказывается не так просто, подумала она, война переворачивает жизнь с ног на голову.

– Нам не позволят взять с собой наши деньги, – с горечью сказала мать. – Вот такие в Англии понятия о справедливости.

Мысль о деньгах была последним соображением, которое могло сейчас прийти в голову Маргарет. Теперь в подвешенном состоянии оказалась вся ее жизнь. Внезапно набравшись храбрости, она решила выложить матери то, что было у нее на уме. Маргарет набрала полные легкие воздуха и выпалила, пока не прошла решимость:

– Мама, я не хочу ехать с вами!

Мать ничуть не удивилась: наверное, ждала чего-то в этом роде. Мягким невыразительным тоном – так мать всегда говорила, когда хотела уклониться от спора, – она сказала:

– Ты должна поехать с нами, дорогая.

– Меня в тюрьму никто не посадит. Я могу остаться с тетушкой Мартой или с двоюродной сестрой Кэтрин. Может, ты поговоришь с отцом?

Вдруг на лице матери появилась несвойственная ей злая гримаса.

– Я родила тебя в боли и муках, и я не позволю тебе рисковать жизнью, пока могу этому помешать!

Маргарет ошеломил столь бурный всплеск материнских чувств. Но все же она запротестовала:

– Но ведь речь идет о моей жизни, и я имею право голоса!

Мать вздохнула и снова заговорила в своей обычной вялой манере:

– То, что думаешь ты или думаю я, не имеет никакого значения. Отец не позволит тебе остаться, о чем бы мы с тобой ни договорились.

Покорность матери раздражала Маргарет, и она решила действовать.

– Я сама у него спрошу.

– Я бы попросила тебя этого не делать, – сказала мать, и теперь в ее голосе слышалась мольба. – Ему и без того трудно. Ты же знаешь, как он любит Англию. В других обстоятельствах он звонил бы сейчас в военное министерство, чтобы получить назначение. У него сердце разрывается.

– А мое сердце?

– Это совсем другое дело. Ты молода, у тебя вся жизнь впереди. Для него отъезд из Англии – крушение всех надежд.

– Я не виновата, что он – фашист! – резко ответила Маргарет.

– Я думала, что в тебе больше доброты, – тихо сказала мать и вышла из комнаты.

Маргарет почувствовала себя виноватой, и все-таки возмущение терзало ее душу. Это так несправедливо! Отец никогда не считался с ее мнением, а теперь, когда ход событий доказал его неправоту, от нее ждут сочувствия.

Она вздохнула. Мать у нее – красавица, женщина эксцентричная, непредсказуемая. Выросла в богатой семье, человек сильного характера. Свойственная ей эксцентричность была результатом сильной воли и отсутствия образования, которое могло бы этой волей управлять: ею овладевали безумные идеи, потому что она так и не научилась отделять здравые суждения от вздора. Ее непредсказуемость являлась способом борьбы сильной женщины с мужским превосходством: спорить с мужем не дозволялось, но можно было выскользнуть из-под его контроля, нацепив на себя маску непонимания. Маргарет любила мать и терпеливо относилась к ее странностям, но преисполнилась решимости не походить на нее вопреки их внешнему сходству. Если Маргарет не дадут образования, она будет учиться сама и скорее останется старой девой, чем выйдет замуж за какого-нибудь свинтуса, который сочтет себя вправе обращаться с ней, как с домашней прислугой.

Иногда она мечтала о том, чтобы у нее с матерью были совсем другие отношения. Маргарет хотелось довериться ей, вызвать ее сочувствие, посоветоваться. Они могли бы стать союзницами, вместе добиваясь свободы в мире, который предпочитал видеть в женщинах украшение чужой жизни. Но мать давно уже отказалась от подобной борьбы и хотела того же от Маргарет. Но этому не бывать. Она станет сама собой, она полна решимости добиться поставленной цели. Но как?

Весь день еда стояла у нее поперек горла. Она пила одну чашку чая за другой, а слуги тем временем готовились заколачивать дом. Во вторник, когда мать поняла, что Маргарет не собирается паковать свои вещи, она велела новой служанке Дженкинс сделать это за нее. Конечно, Дженкинс не знала, что паковать, и Маргарет пришлось ей помогать: мать в конечном счете добилась своего. Впрочем, как всегда.

– Не повезло вам, мы закрываем дом через неделю после того, как вы начали у нас работать, – сказала Маргарет новой служанке.

– Теперь работу будет легко найти, миледи. Мой отец сказал, что безработицы во время войны не бывает.

– Что же вы будете делать? Пойдете на фабрику?

– Я хочу в армию. По радио сказали, что вчера в ВТС записались семнадцать тысяч женщин. По всей стране у мэрий выстроились очереди, сама видела фото в газете.

– Счастливая, – сказала Маргарет огорченно. – Меня ждет только одна очередь – на посадку в самолет в Америку.

– Вы обязаны делать то, что скажет маркиз.

– А что говорит ваш отец о вашем решении?

– Я ему ничего не скажу, поступлю, как считаю нужным, и все.

– А если он заберет вас из ВТС?

– Не имеет права. Мне исполнилось восемнадцать. Раз я взрослая, родители не могут мне помешать.

– Вы уверены? – удивилась Маргарет.

– Конечно. Это всем известно.

«Кроме меня», – подумала Маргарет.

Дженкинс отнесла чемодан Маргарет в холл. Выезжать надо будет рано утром в среду. Увидев выстроившиеся рядом чемоданы, Маргарет наконец осознала, что ей суждено пережить войну в штате Коннектикут, если она не перестанет скулить и ничего не предпримет. Несмотря на мольбы матери не устраивать скандала с отцом, она решила бросить ему вызов.

Но ее бросало в дрожь при одной мысли об этом. Маргарет вернулась к себе в комнату, чтобы успокоиться и подготовиться к разговору. Прежде всего нужно сохранять хладнокровие.

Слезам отца не проймешь, а дерзость его только разозлит. Ей надо показать себя разумной, рассудительной, зрелой, понимающей свою ответственность. Хотя тут дело не в аргументах, в ответ он сразу начнет кричать и так ее запугает, что она слова из себя не выдавит.

Как же начать? «Мне кажется, что я имею право голоса, когда решается мое будущее».

Нет, это не годится. Он скажет: «Я за тебя отвечаю, и поэтому решать мне».

А если: «Можно мне поговорить с тобой об отъезде в Америку?»

Он скорее всего ответит: «Тут нечего обсуждать».

Слова, с которыми Маргарет обратится к нему, не должны прозвучать оскорбительно, иначе он сразу же ее оборвет. Она решила начать так: «Могу я тебя кое о чем спросить?» Он будет вынужден ее выслушать.

А что дальше? Как затронуть нужную тему, не вызвав отцовского гнева? Она могла бы сказать: «Ты ведь служил в армии в прошлую войну?» Маргарет знала, что он участвовал в боевых действиях во Франции. «А мама ведь тоже была на военной службе?» Она знала ответ и на этот вопрос: мать добровольно пошла в медсестры, ухаживала в лондонском госпитале за ранеными американскими офицерами. Ну а потом Маргарет скажет: «Вы оба служили родине, поэтому ты должен понять мое желание поступить точно так же». Уж на такие слова ему нечего будет возразить.

Если бы только он отступил в этом вопросе, она сумела бы преодолеть и другие возражения. Маргарет могла бы пожить у родственников, пока не запишется в ВТС, на что уйдет всего несколько дней. Ей исполнилось девятнадцать, многие девушки ее возраста уже трудятся шесть лет полную рабочую неделю. Она теперь имеет право выйти замуж, водить машину, да к тому же и сестра в тюрьму. Нет никаких оснований запрещать ей остаться в Англии.

Звучит разумно. Остается набраться смелости.

Отец должен быть в кабинете со своим управляющим. Маргарет вышла из комнаты. На площадке возле двери у нее вдруг от страха подкосились колени. Конечно, отец придет в бешенство. Вспышки его гнева ужасны, наказания жестоки. Когда ей было одиннадцать, он заставил ее целый день простоять в углу его кабинета лицом к стене за то, что она нагрубила кому-то из гостей; когда ей было семь, он отобрал у нее игрушечного медвежонка в наказание за мокрую постель; однажды он в гневе выбросил из окна второго этажа кошку. Что он сотворит сейчас, когда Маргарет заявит о своем намерении остаться в Англии и сражаться с нацистами?

Она заставила себя спуститься по лестнице, но по мере приближения к отцовскому кабинету страхи овладевали ею все сильнее. Она представляла себе, как он выходит из себя, как краснеет его лицо и выпучиваются глаза. Она попыталась умирить биение пульса, спросив себя, есть ли на самом деле повод испытывать такой ужас. Ведь отец больше не может причинить ей страданий, отняв медвежонка. Но в глубине души она понимала, что у него есть масса способов сделать ей больно.

Когда Маргарет дрожа стояла у двери кабинета, через холл прошла домоправительница в своем неизменном черном платье. Миссис Аллен твердой рукой управляла женской частью услуги, но к хозяйским детям всегда проявляла благодушие. Она любила всю семью Оксенфордов и очень расстроилась, узнав об их предстоящем отъезде: для нее это был крах устоявшегося жизненного уклада. Сквозь слезы она улыбнулась Маргарет.

Когда Маргарет посмотрела на нее, ей пришла в голову ошеломляющая идея.

План бегства мгновенно сложился в ее голове. Она одолжит денег у миссис Аллен, немедленно уйдет из дома, успеет в четыре пятьдесят пять на лондонский поезд, переночует у кузины Кэтрин, а утром сразу же пойдет вербоваться в ВТС. Когда отец ее настигнет, уже будет поздно что-либо изменить.

План был настолько прост и сложился столь стремительно, что она не могла заставить себя поверить в его осуществимость. И прежде чем Маргарет успела хорошенько все взвесить, она услышала собственные слова:

– О, миссис Аллен, не могли бы вы одолжить мне немного денег? Мне нужно сделать до отъезда кое-какие покупки, а я не хочу беспокоить отца, он ведь так занят.

– Конечно, барышня, – не колеблясь, ответила миссис Аллен. – Сколько вам нужно?

Маргарет не знала, сколько стоит проезд до Лондона, она никогда не покупала билеты сама. Сказала наугад:

– О, одного фунта будет достаточно. – А сама думала: неужели она все-таки решилась?

Миссис Аллен достала две десятишиллинговые банкноты из кошелька. Если бы ее попросили, она, наверное, охотно отдала бы все свои сбережения.

Дрожащей рукой Маргарет взяла деньги. Билет в свободу, подумала она – и страху вопреки почувствовала в груди сладость удачи.

Что касается миссис Аллен, то ей показалось, что Маргарет расстроена предстоящим отъездом, и она сжала ее руку.

– Это печальный день, леди Маргарет. Печальный для нас всех. – Горестно покачав седой головой, она ушла в заднюю часть дома.

Маргарет нервно оглянулась. Вокруг никого. Сердце ее билось, как птица в клетке, дыхание вырывалось из груди короткими спазмами. Она знала, что, заколебавшись, больше не обретет решимости. Нельзя терять времени, Бог с ним, с пальто. Сжимая в кулаке деньги, она вышла из дома.

Станция находилась в соседней деревне, в двух милях от дома. Каждую минуту она боялась услышать за спиной шуршание шин отцовского «роллс-ройса». Но откуда отцу знать, что она предприняла? Вряд ли кто-нибудь заметит ее отсутствие до обеда, а если ее все-таки хватятся, то подумают, что она отправилась за покупками, как Маргарет и сказала миссис Аллен. И все равно страх, что ее обнаружат, не проходил.

На станции она оказалась задолго до отхода поезда, купила билет – денег хватило с избытком – и устроилась в кресле в дамской комнате ожидания, не отрываясь следя за стрелками на больших настенных часах.

Поезд опаздывал.

Минуло четыре пятьдесят пять, затем пять, пять ноль пять. В этот момент она была уже так напугана, что хоть возвращайся домой, лишь бы унять дрожь.

Поезд прибыл в четырнадцать минут шестого, отец так и не появился.

Маргарет вошла в вагон, охваченная ужасом.

Она стояла у окна, глядя на билетный турникет, боясь, что отец возникнет в последнюю секунду и успеет ее задержать.

Наконец поезд тронулся.

Она все еще не верила, что сбежала из дому.

Поезд набирал скорость. Первые слабые приливы радости шевельнулись в сердце. Через несколько секунд станция осталась позади. Маргарет смотрела, как исчезает из виду деревня, и только тут поняла, что победила. Она это сделала – ушла из родительского дома!

Внезапно Маргарет почувствовала, что у нее подгибаются коленки. Она оглянулась в поисках свободного места, но увидела, что вагон полон. Все места были заняты, даже в первом классе, солдаты сидели прямо на полу. Она осталась стоять.

Эйфория ее не улетучилась, хотя поездка, по нормальным критериям, обернулась кошмаром. Множество людей входили на всех остановках. Перед станцией «Ридинг» поезд задержали на три часа. Все лампы были потушены из-за светомаскировки, поэтому с наступлением ночи поезд погрузился в кромешную темноту, если не считать периодических вспышек фонаря проводника, когда он проходил по вагонам, пробираясь между сидящими и лежащими на полу людьми. Когда Маргарет не могла уже больше стоять, она тоже села на пол. Но все это не имело больше значения, убеждала себя Маргарет. Платье испачкается, но завтра она наденет форму. Все будет иначе – война.

Маргарет подумала: узнал ли уже отец о ее исчезновении, о том, что она уехала на поезде, и не мчится ли он теперь на всех парах в Лондон, чтобы перехватить ее на вокзале Паддингтон? Это маловероятно, но возможно, и, когда поезд подходил к перрону, ее сердце трепетало от ужаса.

Когда она вышла на перрон, отца не было, и Маргарет почувствовала себя победительницей. Все же он не всемогущ! В кромешной темноте вокзала ей удалось поймать такси. Водитель, включив лишь габаритные огни, отвез ее в Бейсуотер. Подсвечивая дорогу карманным фонариком, шофер подвел ее к многоквартирному дому, где жила Кэтрин.

Из-за затемнения ни в одном окне не было света, но вестибюль утопал в огнях. Портье на месте не оказалось – уже близилась полночь, но Маргарет знала, где квартира Кэтрин. Она поднялась по лестнице и позвонила.

Ответа не было.

Сердце ее упало.

Она позвонила снова, хотя понимала, что это бесполезно: квартирка у Кэтрин крошечная, а звонок громкий. Просто ее нет дома.

Но это и неудивительно, осознала она. Кэтрин жила с родителями в Кенте и пользовалась квартирой как временным пристанищем. Светская жизнь в Лондоне наверняка остановилась, и Кэтрин здесь нечего делать. Об этом Маргарет не подумала.

Она была разочарована, но не обескуражена. Она рассчитывала посидеть с Кэтрин и за чашкой какао поведать ей в подробностях о своих приключениях. Что ж, это подождет. Она стала размышлять о том, что же ей делать теперь. У нее было несколько родственников в Лондоне, но, приди Маргарет к ним, они тотчас известят отца. Кэтрин охотно стала бы соучастницей заговора, другим Маргарет довериться не могла.

Потом она вспомнила, что у тетушки Марты нет телефона.

Фактически это была двоюродная бабушка, вздорная старая дева лет семидесяти. Жила она меньше чем в миле от Кэтрин. Конечно, тетушка Марта уже давно спит и рассердится, что ее разбудили, но ничего не поделаешь. Самое важное – она не поднимет тревогу и не известит отца о местонахождении Маргарет.

Она спустилась по лестнице и вышла на улицу – в кромешную тьму.

Светомаскировка, введенная в городе, навевала страх. Девушка остановилась у двери и осмотрелась вокруг широко открытыми глазами, но ничего не смогла разглядеть. У Маргарет вдруг возникла неприятная тошнота.

Закрыв глаза, она попыталась представить себе знакомую картину, какой ей следовало быть. За спиной – Овингтон-хаус, где живет Кэтрин. Обычно в нескольких окнах горел свет, а над парадной дверью сияла большая лампа. На углу слева – церквушка работы Рена, портик которой всегда заливал яркий свет. Вдоль тротуара стояли фонарные столбы, под каждым сияло пятно света, на улице то и дело вспыхивали фары автомобилей, автобусов, такси.

Она открыла глаза и ничего этого не увидела.

Маргарет начала терять самообладание. На какой-то момент ей показалось, что вокруг вообще ничего нет: улица исчезла, а она сама провалилась в чистилище, в пустоту. У нее закружилась голова. Она постаралась взять себя в руки и мысленно представить дорогу к дому тетушки Марты.

«Отсюда я пойду на восток, сверну налево на втором перекрестке, и дом тетушки будет в конце квартала. Совсем не трудно, даже в темноте».

Маргарет жаждала помощи: быть может, проедет такси с включенными фарами, или выглянет луна, или вдруг появится полицейский. И тут же ее желание осуществилось: медленно проехало такси, слабый свет его габаритных огней был похож на кошачьи глаза во тьме, и вдруг она различила край тротуара до угла улицы.

Маргарет двинулась в путь.

Проехала еще одна машина, красные задние огни растаяли вдали. Ей казалось, что она находится в трех-четырех шагах от угла улицы, но тут же оступилась у края тротуара. Маргарет перешла на другую сторону улицы и нащупала ногой край противоположного тротуара. Ей удалось не упасть, и это ее приободрило, далее она шла уже более уверенно.

Вдруг что-то твердое с чудовищной силой ударило ее прямо в лицо.

Она закричала от боли и внезапно охватившего ее страха. В первый момент, подавшись панике, Маргарет хотела повернуть назад и бежать. Но, преодолевая себя, успокоилась. Она поднесла руку к лицу и провела по ушибленному месту. Что же с ней произошло? Что могло ударить ее по лицу, когда она уже двигалась по тротуару? Маргарет вытянула перед собой обе руки. Они тотчас на что-то наткнулись, и она в страхе их отдернула, затем, стиснув зубы, снова протянула вперед. Руки прикоснулись к чему-то холодному, твердому и округлому, вроде громадного противня для пирога, почему-то повисшего в воздухе. Исследуя препятствие дальше, она поняла, что ощупывает высокую круглую тумбу с квадратным отверстием, прикрытым откидной крышкой. Когда Маргарет поняла, что это такое, она, несмотря на боль, не удержалась от смеха. Маргарет наткнулась на уличный почтовый ящик.

Она на ощупь обогнула тумбу и двинулась дальше, вытянув перед собой обе руки.

Через некоторое время она споткнулась у края тротуара. Восстановив равновесие, почувствовала облегчение: начинается улица, на которой живет тетушка Марта. Маргарет свернула налево.

Тут ее пронзила мысль, что тетушка Марта может не услышать звонка. Она жила одна, кроме нее, открыть дверь некому. Если такое случится, ей придется дойти обратно до дома Кэтрин и расположиться на ночь в коридоре. С этим она могла примириться, но дорога назад в темноте наполняла ее сердце ужасом. Может быть, лучше свернуться калачиком на крыльце дома тетушки и дожидаться рассвета?

Дом тетушки Марты, помнилось ей, находился в самом конце длинного квартала. Маргарет шла медленно. Город погрузился во тьму, но не в тишину. Время от времени она слышала вдалеке шум проезжавших машин. Когда Маргарет проходила мимо подъездов, начинали лаять собаки и мяукать коты. Однажды до нее донеслись звонкие переливы музыки затянувшейся допоздна вечеринки. Чуть дальше она услышала за чьими-то занавешенными шторами шум семейной ссоры. Ей отчаянно захотелось оказаться в доме, где ярко светят лампы, потрескивает камин, а на столе стоит чашка горячего чая.

Квартал оказался длиннее, чем ей помнилось. Но сбиться с дороги Маргарет не могла: она ведь свернула влево на втором перекрестке. И все же росло навязчивое подозрение, что она заблудилась. Маргарет потеряла ощущение времени – сколько минут она идет вдоль квартала, пять, двадцать, а может быть, два часа или целую ночь? Внезапно мелькнула мысль: есть ли вообще тут дома. С таким же успехом она могла брести по Гайд-парку, случайно войдя в его ворота и даже не заметив этого. Возникло ощущение, что вокруг, в темноте, снуют какие-то существа, следят за ней всевидящими кошачьими глазами, ждут, когда Маргарет наткнется на них, и вцепятся в нее мертвой хваткой. Крик ужаса возник в глубине гортани, но она загнала его внутрь.

Маргарет заставила себя задуматься: где она могла сбиться с дороги? Девушка помнила, что там, где она споткнулась о край тротуара, находился перекресток. Но сейчас осознала, что, кроме основной пересекающей улицы, были еще переулки и дворы. Она могла свернуть в один из них. И сейчас, быть может, прошла в неверном направлении целую милю.

Она попыталась восстановить то ощущение необыкновенного подъема и торжества, которое испытывала в поезде, но оно бесследно ушло, и Маргарет чувствовала себя одинокой и покинутой.

Она решила остановиться и некоторое время постоять на месте. Это ей никак не повредит.

Девушка стояла долго и вскоре уже не могла отдать себе отчет, сколько именно. Она боялась шевельнуться: страх буквально сковал все ее тело. И почти решила, что будет стоять, пока не рухнет от изнеможения или пока не забрезжит рассвет.

Тут она увидела машину.

Габаритные огни давали мало света, но по сравнению с крошечной тьмой, какая, наверное, бывает в шахте, этот свет показался ей едва ли не дневным. Оказалось, что она стояла посреди улицы, и Маргарет поспешила к тротуару, чтобы ее не сбила машина. Площадь выглядела смутно знакомой. Машина проехала мимо и свернула за угол, девушка побежала за ней следом, надеясь зацепиться взглядом за какую-нибудь достопримечательность, которая подсказала бы ей, где она находится. Добежав до угла, Маргарет увидела машину в конце узкой короткой улицы с маленькими магазинчиками, один из них оказался галантерейным, в который часто заглядывала мать, и девушка поняла, что находится в нескольких ярдах от Марбл-Арч.

Она готова была разрыдаться от облегчения.

На следующем углу Маргарет подождала, когда проедет еще одна машина и высветит ей дорогу, и через несколько шагов достигла района Мэйфер.

Несколько минут спустя она оказалась у входа в отель «Кларидж». Окна в нем были, разумеется, затемнены, но Маргарет увидела дверь и подумала: не войти ли?

На номер у нее, видимо, денег не хватит, но она припомнила, что люди обычно расплачиваются при отъезде. Маргарет могла бы снять номер на пару дней, завтра утром уйти, как бы собираясь вечером вернуться, завербоваться в ВТС, а потом позвонить в отель и сказать, чтобы счет направили отцовскому адвокату.

Она вобрала в себя воздух и толкнула дверь.

Как в большинстве общественных зданий, открытых и ночью, в отеле была двойная дверь, и вход представлял собой нечто вроде шлюза: люди могли входить и выходить так, что внутренний свет не пробивался на улицу. Наружная дверь захлопнулась за ее спиной, она распахнула вторую дверь и оказалась в залитом благодатным светом холле. Громадная тяжесть спала с ее души. Тут шла нормальная жизнь, уличный кошмар остался позади.

Ночной портье подремывал за стойкой. Маргарет кашлянула, разбудив его, он вздрогнул и сконфуженно посмотрел на нее.

– Мне нужен номер, – сказала Маргарет.

– В такой час? – удивился портье.

– Введение светомаскировки застало меня на улице. Я не могу добраться до дома, – объяснила Маргарет.

Портье, стряхнув сонное оцепенение, пришел в себя.

– Вы без багажа?

– Багажа? – растерянно переспросила Маргарет, но тут же придумала объяснение: – Разумеется, багажа у меня нет, я же не рассчитывала оказаться в такой ситуации.

Портье разглядывал ее с любопытством. Конечно, подумала Маргарет, он ей не может отказать. Портье проглотил слюну, потер лицо и сделал вид, что сверяется с книгой записей. Чего он тянет? Наконец портье захлопнул книгу и сказал:

– Свободных номеров нет.

– Но хоть что-нибудь у вас есть?

– Уж не подрались ли вы со своим папочкой? – спросил он, подмигнув.

Маргарет не верила своим ушам.

– Я не могу добраться до дому, – повторила она, сочтя, что портье просто ее не понял.

– Ничем не могу помочь, – объявил на вид совсем молодой человек и, как ему казалось, пошутил: – Все претензии к Гитлеру.

– Где ваш управляющий?

– До шести утра я здесь главный, – оскорбился портье.

Маргарет оглянулась.

– До рассвета я могу посидеть в холле, – сказала она устало.

– Это невозможно! – испуганно вскричал портье. – Молодая девушка, одна, без багажа, проводит ночь в холле гостиницы? Да меня за это выставят с работы.

– Я вам не *молодая девушка!* – рассердилась она. – Я леди Маргарет Оксенфорд. – Ей претило пользоваться своим титулом, но она была близка к отчаянию.

Ее слова не возымели никакого эффекта. Портье нагло посмотрел на нее.

– В самом деле?

Маргарет хотела на него накричать, но увидела вдруг свое отражение в стеклянной двери и поняла, что у нее синяк под глазом. В довершение всего – грязные руки и порванное платье. Она вспомнила, как столкнулась с почтовой тумбой, как сидела на полу вагона. Стоит ли удивляться, что этот тип не хочет дать ей номер!

– Но вы не можете выгнать меня на улицу в такую темноту!

– Мне не остается ничего другого.

Маргарет попыталась представить себе, что сделает портье, если она все же присядет и откажется уходить. Ее подмывало именно так и поступить: Маргарет выбилась из сил, ноги отказывались идти. Но она столько уже пережила, что не чувствовала себя способной настоять на своем. Тем более в такой поздний час, когда никто не придет ей на помощь: кто знает, как поведет себя этот человек, если она даст ему повод пустить в ход руки...

Маргарет устало повернулась и, глубоко несчастная, вышла на темную улицу.

Удаляясь от входа в гостиницу, она пожалела, что не дала наглецу отпор. Почему так получается, что ее намерения всегда куда решительнее, чем поступки? Маргарет вдруг захотела вернуться и проучить беспардонного портье. Она готова была это сделать, но продолжала идти вперед. Подумалось, что так будет лучше.

Маргарет, однако, некуда было идти. Дом Кэтрин ей уже не найти, не говоря уже о доме тетушки Марты, другим родственникам она не доверяла, а искать отель в перепачканном платье и с грязными руками бесполезно.

Придется просто бродить по улицам, пока не рассветет. Погода стояла хорошая, дождя не было, ночной воздух лишь чуточку прохладен. Двигаясь, она даже не почувствует холода. Теперь девушка видела, куда идет: в Уэст-Энде мелькало множество огоньков от проезжавших то и дело машин. Она слышала музыку и шум, доносившиеся из ночных клубов, временами видела людей своего класса: женщин в роскошных вечерних платьях и мужчин в смокингах с белыми бабочками, подъезжавших в машинах с шоферами к собственным домам после затянувшихся за полночь вечеринок. На какой-то улице она наткнулась на трех, к своему удивлению, тоже одиноких женщин: одна стояла у подъезда, другая прислонилась к фонарному столбу, третья сидела в машине. Все три курили и, видимо, кого-то ждали. Мелькнула мысль: уж не *падишие* ли это женщины, как их называла мать?

Она почувствовала усталость. На ней были легкие домашние туфли, в которых она сбегала из дому. От долгой ходьбы ныли ноги. Маргарет присела на ступеньку подъезда, скинула туфли и принялась растирать онемевшие ступни и пальцы.

Подняв голову, она вдруг стала различать смутные очертания зданий на другой стороне улицы. Неужели уже начинает светать? Быть может, ей удастся найти кафе для рабочих, открывающееся ранним утром? Она бы заказала завтрак и подождала там до открытия вербовочного пункта. Маргарет почти ничего не ела два дня и при мысли о яичнице с беконом проглотила слюну.

Внезапно прямо над ней из тьмы выплыло чье-то белое лицо. От страха она вскрикнула. Лицо приблизилось, и ей удалось разглядеть молодого человека в вечернем костюме.

– Привет, красотка, – сказал он.

Она стремительно поднялась, подозревая, что незнакомец нетрезв. А пьяных Маргарет терпеть не могла, считая их людьми недостойными.

– Оставьте меня в покое, пожалуйста, – сказала она. Девушке хотелось, чтобы ее голос звучал твердо, но тот предательски дрожал.

Молодой человек подошел еще ближе.

– Тогда поцелуй меня.

– Вот еще! – ужаснулась Маргарет. Она сделала шаг назад, оступилась и выпустила из рук туфли. Почему-то, потеряв туфли, она почувствовала себя крайне уязвимой. Маргарет наклонилась, чтобы их поднять. Незнакомец непристойно хмыкнул, и тут она, к своему ужасу, почувствовала у себя между ног его бесцеремонную руку. Маргарет мгновенно выпрямилась, так и не найдя туфель, и отпрянула в сторону. – Отвяжитесь от меня!

– Вот это мне нравится, – снова хмыкнул мужчина. – Я люблю, когда мне чуточку противятся. – С поразительным проворством он схватил ее за плечи и притянул к себе. Лицо девушки действительно обдало облаком перегара, его губы прижались к ее рту.

Это было невыразимо отвратно, Маргарет замутило, но мужские руки так сильно сжимали ее, что девушке трудно было дышать, не то что протестовать. Она безрезультатно пыталась высвободиться, а мужчина все тяжелее наваливался на нее. Затем он оторвал руку от плеча девушки и вцепился в ее грудь. Она застонала от боли. Но, отпустив плечо, незнакомец дал ей возможность наконец вывернуться и кричать что было сил.

Маргарет кричала долго и пронзительно.

До нее смутно долетало его испуганное бормотание:

– Да будет тебе, не надо так, я не хотел тебя обидеть...

Однако она была настолько напугана, что никакие увещевания не могли остановить этот крик.

Из тьмы выступили другие лица: мужчины в рабочей одежде, *падавшей* женщины с сигаретой во рту и сумкой через плечо. Показалась чья-то голова в окне дома. Пьянчуга же растворился в темноте. Маргарет наконец перестала кричать и расплакалась. Затем послышался быстрый перестук сапог, мелькнул узкий луч карманного фонаря, и проявилась полицейская каска.

Полицейский направил луч в лицо Маргарет.

– Она не из наших, Стив, – процедила женщина с сигаретой.

– Как вас зовут, девушка? – спросил полицейский, которого назвали Стивом.

– Маргарет Оксенфорд.

– Ясное дело, тот тип принял ее за шлюху, – сказал человек в рабочей одежде и зашагал прочь.

– Вы хотите сказать – *леди* Маргарет Оксенфорд?

Маргарет жалко шмыгнула носом и кивнула.

– Я сразу поняла, что она не из наших, – сказала женщина, в последний раз затянувшись, швырнула окурок и раздавила его каблуком.

– Пойдемте со мной, леди, – предложил полицейский. – Теперь вы в безопасности.

Маргарет вытерла слезы рукавом. Страж порядка протянул ей руку. Она крепко за нее ухватилась. Полицейский направил луч фонарика ей под ноги и повел Маргарет за собой. Придя в себя, девушка вздрогнула и сказала:

– Какой мерзкий тип!

В голосе полицейского она, однако, не услышала и нотки сочувствия.

– Да стоит ли его винить? – произнес он довольно весело. – Репутация этой улицы всему Лондону известна. Он потому и заключил, что одинокая девушка в такой час может принадлежать только к числу «ночных бабочек».

Маргарет поняла, что он прав, хотя это выглядело довольно-таки несправедливо.

В утренних сумерках показалась знакомая синяя лампа полицейского участка.
– Выпьете чашку горячего чая, и вам станет лучше, – сказал полицейский.

Они вошли внутрь. Здесь за конторкой расположились двое полицейских: один – средних лет, плотного телосложения, второй – молоденький и худощавый. По обе стороны комнаты вдоль стен стояли простые деревянные скамейки, на одной из которых сидела женщина, выглядевшая здесь посторонней, с бледным лицом, с головой, закутанной шарфом, и домашними шлепанцами на ногах. Всем своим видом она олицетворяла бесконечное терпение.

Спаситель Маргарет подвел ее к противоположной скамье.

– Присядьте здесь на минутку, – предложил он.

Маргарет так и поступила. Полицейский же подошел к конторке и обратился к старшему из служителей закона:

– Сержант, это леди Маргарет Оксенфорд. К ней пристал пьяный на Болтинг-лейн.

– Решил, наверное, что она вышла на ночную охоту.

Маргарет поразило разнообразие эвфемизмов, которыми именовалась проституция. Видимо, люди отчего-то боялись называть некоторые вещи своими именами и предпочитали выражаться иносказательно. Сама она имела о проституции самое смутное представление и, говоря по правде, не верила даже, что это занятие до сих пор существует. Но в приставаниях молодого человека в вечернем костюме никакой двусмысленности не было и в помине.

Сержант с явным интересом посмотрел на Маргарет и тихо что-то сказал полицейскому по имени Стив, так, чтобы она не услышала. Стив кивнул и исчез в задней комнате.

Маргарет сообразила, что туфли ее остались на ступеньках того подъезда, где она попала в беду. Теперь на чулках зияли дыры. Маргарет заволновалась: в таком виде ей нельзя появляться на вербовочном пункте. Возможно, когда рассветет, она сумеет вернуться и забрать свои туфли? Однако их может там не оказаться. Сейчас ей больше всего на свете хотелось принять ванну и переодеться во все чистое. Но где же это сделать? Утром даже у тетушки Марты будет небезопасно: там вполне может объявиться отец, ринувшийся ее искать. Не получится ли так, с болью подумала она, что весь ее план рухнет, по сути, из-за пары туфель? Будет просто ужасно, если ВТС после всего случившегося ее отвергнет.

Полицейский вернулся и подал ей чай в тяжелой глиняной кружке. Чай был бледный и слишком сладкий, но она пила его с наслаждением. К ней возвращалась решимость. Она придумает, как преодолеть возникшие проблемы. Она уйдет, как только допьет чай. Она отправится в район бедняков и найдет лавку, где торгуют дешевой одеждой – у нее еще оставалось несколько шиллингов. Она купит новое платье, сандалии и чистое белье. Пойдет в общественную баню помыться и переодеться. И будет готова поступить на военную службу.

Пока она вынашивала этот план, за дверью послышался шум и в участок ввалилась компания хорошо одетых молодых людей. На них были вечерние костюмы. Вскоре Маргарет сообразила, что они волокут какого-то парня, который пытался вырваться из их рук. Один из молодых людей начал кричать на сержанта, сидевшего за конторкой.

– А ну-ка успокойтесь и замолчите, все вы! – рявкнул сержант начальственным тоном. – Вы не на стадионе, и это вам не регби, это – полицейский участок. – Голоса поутихли, но сержант продолжал воспитывать пришедших: – Если не будете порядочно себя вести, я упрячу вас за решетку! Немедленно всем заткнуться!

Молодые люди успокоились и отпустили своего пленника, имевшего весьма жалкий вид. Сержант указал пальцем на одного из парней, темноволосого, того же примерно возраста, что и Маргарет.

– Да, да, вы. Расскажите, что такое стряслось?

Молодой человек кивнул на пленника и возмущенно произнес:

– Этот негодяй повел мою сестру в ресторан, а затем смылся, не заплатив! – Он говорил с аристократическим лондонским акцентом, и Маргарет показалось, что его лицо ей смутно

знакомо. Оставалось надеяться, что он ее не узнает – это будет так унижительно, если знакомым Маргарет станет известно, что она сбежала из дому и полиции пришлось вызволять ее из беды.

Другой молодой человек в костюме в полоску добавил:

– Его зовут Гарри Маркс, и его надо посадить за решетку.

Маргарет с интересом посмотрела на этого Гарри Маркса. Он оказался необыкновенно красивым молодым человеком двадцати двух – двадцати трех лет, светловолосым, с правильными чертами лица. Несмотря на помятый вид, двубортный вечерний костюм сидел на нем с небрежной элегантностью. Маркс окинул своих обидчиков презрительным взглядом и сказал:

– Эти типы пьяны.

Тот, что был в полосатом костюме, вспыхнул:

– Может быть, мы и пьяны, но этот тип – негодяй и вор! Смотрите, что мы нашли у него в кармане. – Он швырнул что-то на конторку. – Эти запонки были украдены в нынешний же вечер у сэра Саймона Монкфорда.

– Ладно, – сказал сержант. – Значит, вы обвиняете его в извлечении материальной выгоды посредством обмана – я имею в виду неуплату по счету, – а также воровства. Что еще?

– Вам этого мало? – презрительно фыркнул молодой человек в полосатом костюме.

Сержант повернул в его сторону авторучку на манер указки.

– Помни, где ты находишься, черт тебя дери, сосунок! Быть может, ты и родился с серебряной ложечкой во рту, но здесь – полицейский участок, и если ты не будешь говорить вежливо, то просидишь всю ночь в камере.

Юноша, глуповато ухмыляясь, замолк.

Сержант обратился к тому из молодых людей, кто с ним первым начал разговор:

– Теперь я жду подробностей, касающихся обоих обвинений. Мне нужно название и адрес ресторана, имя и адрес вашей сестры, а также имя и адрес лица, которому принадлежат запонки.

– Я могу все это вам сообщить. Ресторан...

– Хорошо. Вы останетесь здесь, – объявил сержант и ткнул пальцем в сторону подозреваемого: – А вы сядьте. – После чего махнул рукой остальным: – А все прочие отправляйтесь по домам.

Молодые люди пришли в замешательство. Их великое приключение заканчивалось весьма прозаически. И никто из них не сдвинулся с места.

– А ну-ка выметайтесь отсюда все, да побыстрей! – рявкнул на них сержант.

Маргарет никогда еще всего за один день не слышала столько брани и грубости.

Истцы отправились на выход, недовольно бормоча.

– Приводишь жулика в полицию, а обращаются с тобой, точно ты сам преступник! – буркнул парень в полосатом костюме. Но конец его фразы прозвучал, когда он был уже в дверях.

Сержант приступил к допросу темноволосого молодого человека, делая при этом пометки. Гарри Маркс сначала стоял возле конторки, затем, заметив Маргарет, приветливо ей улыбнулся и сел с ней рядом.

– Все в порядке, мисс? Что ты здесь делаешь в такой час ночи?

Маргарет смешалась. Молодой человек вдруг стал совсем другим. Заносчивые манеры и изысканная речь исчезли, он заговорил в той же грубоватой манере, что и сержант. Она была настолько поражена, что не сразу нашлась что ответить.

Гарри бросил быстрый взгляд на дверь, словно размышляя, не обратиться ли в бегство, затем перевел взгляд на конторку: младший полисмен, до сих пор не проронивший ни слова, не спускал с него глаз. Мысль о бегстве явно пришлось оставить. Он повернулся к Маргарет:

– Кто поставил тебе синяк под глазом? Папочка?

Маргарет через силу обрела голос:

– Я заблудилась в темноте и наткнулась на почтовую тумбу.

Настал его черед изумиться. Он принял ее за девушку из рабочей среды. Теперь, услышав ее светский выговор, понял свою ошибку. И тут же, не моргнув глазом, вернулся к прежней манере поведения:

– Ну и незадача, скажу я вам!

Маргарет была озадачена. Что он на самом деле собой представляет? От него пахло дорогим одеколоном. Волосы модно подстрижены, разве что чуточку длинноваты. На нем темно-синий вечерний костюм в стиле Эдуарда VIII, шелковые носки, лакированные кожаные туфли. Безукоризненные ювелирные изделия – застешки сорочки, запонки им в тон, золотые наручные часы на черном ремешке из крокодиловой кожи, кольцо с печаткой на мизинце левой руки. Руки крупные, сильные на вид, и при этом ногти отменно чистые.

– Вы и в самом деле ушли из ресторана, не заплатив? – еле слышно спросила Маргарет.

Он окинул ее оценивающим взглядом и затем, как будто приняв некое решение, прошептал заговорщически:

– В самом деле.

– Но почему?

– Потому что, послушай я еще минуту, как Ребекка Моэм-Флинт хвастается своими океанными лошадьми, то не устоял бы перед искушением схватить ее за горло и придушить.

Маргарет была знакома с Ребеккой Моэм-Флинт, крупной невзрачной девицей, дочерью генерала, знаменитого грубоватыми манерами и зычным, как на параде, голосом. Трудно было придумать более неподходящую спутницу для милейшего мистера Маркса, чтобы провести время в ночном ресторане.

– Могу себе представить, – засмеялась она.

Подошел констебль Стив и взял пустую кружку из-под чая.

– Вам лучше, леди Маргарет?

Уголкем глаза она следила, как отреагирует Гарри Маркс на обозначенный полицейским социальный статус.

– Гораздо лучше, спасибо. – На какое-то время Маргарет, разговорившись с Гарри, забыла о своих бедах, но теперь вспомнила, что ей надо делать. – Вы были так добры ко мне, но теперь мне следует заняться куда более важными делами.

– Вам никуда не надо спешить, – неожиданно заявил констебль. – Ваш отец, маркиз, уже едет за вами.

Сердце Маргарет упало. Как это оказалось возможно? Она была так уверена, что находится в безопасности, но недооценила своего отца! Маргарет испугалась не меньше, чем по дороге на железнодорожную станцию. Отец спешит за ней, сейчас, в эту самую минуту! Ее охватила дрожь.

– Откуда он знает, где я? – спросила девушка срывающимся голосом.

– Вчера поздно вечером ваши приметы передали во все полицейские участки. Я увидел эту ориентировку, заступив на дежурство, – горделиво пояснил полицейский. – Я не мог вас опознать в темноте, но сразу вспомнил ваше имя. По инструкции я должен был немедленно известить вашего отца. Как только я привел вас в участок, то позвонил ему по телефону.

Маргарет встала, сердце ее неистово колотилось.

– Я не собираюсь ждать его, – заявила она. – Уже совсем светло.

– Одну минуту, – забеспокоился полицейский. Он повернулся к своему коллеге: – Сержант, леди не хочет дожидаться отца.

– Они не имеют права задерживать вас, – раздался голос Гарри Маркса, – бегство из дома в вашем возрасте не является правонарушением. Если хотите уйти – уходите.

Сержант вышел из-за конторки, и Маргарет ужаснулась при мысли, что полицейские найдут какой-нибудь предлог, чтобы ее задержать.

– Он совершенно прав, – сказал, однако, сержант. – Вы можете уйти, когда пожелаете.

– О, спасибо! – Маргарет с облегчением вздохнула.

– Но на вас нет туфель, – улыбнулся сержант, – и чулки дырявые. Если вы хотите уйти до прихода отца, то давайте хотя бы вызовем такси.

Маргарет задумалась. Полисмен Стив позвонил отцу, как только она оказалась в участке, и было это меньше часа назад. Отец не доберется сюда еще по меньшей мере в течение часа.

– Хорошо, – сказала она. – Спасибо.

Сержант открыл боковую дверь.

– Здесь вам будет удобнее подождать, пока приедет такси. – Он включил в помещении свет.

Маргарет предпочла бы остаться на месте и поболтать с этим очаровательным Гарри Марксом, но ей не хотелось отвергать любезное приглашение сержанта, особенно потому, что он не собирался препятствовать ее уходу.

– Спасибо, – снова поблагодарила она.

Уже подходя к открытой двери, Маргарет услышала слова Гарри:

– Ну и дуреха!

Она вошла в маленькую комнату. Там стояли несколько дешевых стульев и простая лавка, с потолка свисала лампочка без абажура. Окно было забрано решеткой. «Почему сержант решил, что здесь мне будет удобнее, чем в приемной?» – подумала она и повернулась к нему, чтобы спросить об этом.

Дверь захлопнулась перед ее носом. Предчувствие краха наполнило сердце девушки ужасом. Она заколотила по двери и попыталась повернуть ручку. Страхи были не напрасны: она услышала, как в замке повернулся ключ. Она изо всех сил забарабанила по двери. Все было бесполезно. В отчаянии Маргарет уткнулась головой в бездушное дерево.

Она услышала за дверью тихий смешок, затем голос Гарри, приглушенный, но вполне различимый:

– Подонок.

– Заткни свою плеватьницу! – послышался в ответ голос сержанта, в котором не было уже ни следа прежней доброты.

– Вы отлично знаете, что у вас нет права так поступать.

– Ее отец – гребаный маркиз, вот тебе и все право.

Воцарилось молчание.

Маргарет с горечью поняла, что проиграла. Великий побег из дома кончился провалом. Ее предали те самые люди, которые, казалось, пришли ей на помощь. Свободой удалось насладиться очень короткое время. Ей не завербоваться сегодня в ВТС, с отчаянием подумала Маргарет; вместо этого она поднимется на борт «Клипера» компании «Пан-Американ» и полетит в Нью-Йорк, спасаясь от войны бегством. После всего, что Маргарет пришлось пережить, судьба ее ни чуточки не переменялась. Это было ужасно несправедливо.

Потом она подошла к окну. Перед ней были пустой двор и кирпичная стена. Так Маргарет и стояла, поверженная и беспомощная, глядя, как за решетками окна занимается день, и ожидая приезда отца.

Эдди Дикин производил завершающий осмотр «Клипера». Четыре 1500-сильных двигателя «Райт-Циклон» поблескивали маслом. Каждый был в высоту человека. Заменены все пятьдесят шесть свечей зажигания. Дикин достал щуп из кармана рабочего костюма и просунул его между резиновой подушкой и болтом крепления двигателя. Вибрация двигателя ложилась тяжелой нагрузкой на крепежные детали. Но щуп Эдди не вошел и на четверть дюйма. Значит, крепежный болт затянут как надо.

Он закрыл люк и спустился по лестнице. Когда самолет сядет на воду, Дикин скинет с себя спецовку, примет душ и переоденется в черную летнюю униформу «Пан-Американ».

Когда он вышел из дока и начал подниматься на холм к гостинице, где жила команда во время стоянки, в небе ярко сияло солнце. Эдди гордился самолетом и работой, которую выполнял. Команда «Клипера» представляла собой элиту, она состояла из лучших специалистов авиакомпаний, потому что перелет через Атлантику был самым престижным маршрутом. Всю оставшуюся жизнь он сможет говорить, что первым осваивал новую трансатлантическую трассу.

Правда, Эдди собирался в ближайшее время уволиться. Ему исполнилось тридцать, он уже год как женат, и Кэрол-Энн ждет ребенка. Летать – отличное занятие для холостого мужчины, но он не желает проводить так много времени вдали от жены и детей. Он накопил достаточную сумму, чтобы открыть собственный бизнес. Он уже присмотрел участок земли неподалеку от Бангора, штат Мэн, и этот участок можно превратить в неплохой аэродром. Эдди будет обслуживать самолеты, заправлять их топливом, а впоследствии заведет и собственный самолет для чартерных полетов. Втайне он мечтал о том, что когда-нибудь создаст собственную авиакомпанию, подобно пионеру американского воздухоплавания Хуану Триппу, основателю «Пан-Американ».

Он вошел в парк отеля «Лэнгдаун Лоун». Команде пилотов «Пан-Американ» повезло, что всего в одной миле от комплекса «Империал эйруэйз» находился такой прекрасный отель. Типичный английский сельский особняк, которым управляла приятнейшая, очаровывавшая всех супружеская пара, в солнечные дни подававшая чай на лужайке.

Он вошел внутрь. В холле Эдди столкнулся с помощником механика Десмондом Финном, к которому прилепилась кличка Микки. Десмонд напоминал Эдди персонажа комиксов «Супермен» Джимми Олсена: этот восторженный мальчик с широкой белозубой улыбкой прямо-таки боготворил Эдди, что приводило последнего в замешательство. Микки говорил по телефону и, увидев Эдди, сказал:

– Подождите минутку, вам просто повезло: как раз он идет. – Микки протянул Эдди телефонную трубку: – Это тебя! – и побежал по лестнице на второй этаж, из вежливости оставив Дикина в одиночестве.

– Алло? – Эдди взял трубку.

– Это Эдвард Дикин?

Эдди насторожился. Голос был незнакомый, никто к тому же не называл его Эдвардом.

– Да, я – Эдди Дикин. С кем я говорю?

– Подождите, я передам трубку вашей жене.

Сердце Эдди екнуло. Зачем Кэрол-Энн звонит ему из Штатов? Что-то случилось. Через мгновение он услышал голос жены:

– Это ты, Эдди?

– Привет, милая, в чем дело?

Она расплакалась.

В его мозгу пронесся целый набор ужасных объяснений: сгорел дом, кто-то умер, с ней случилось какая-то беда, а то вдруг и выкидыш...

– Кэрол-Энн, возьми себя в руки и успокойся, с тобой все в порядке?

– Я... жива... и здорова, – выдавила она сквозь всхлипы.

– В чем же дело? – Он уже испугался не на шутку. – Что произошло? Попробуй рассказать мне все по порядку, бэби.

– Эти люди... они вошли в дом.

Эдди похолодел от ужаса.

– Что за люди? Что они сделали?

– Они заставили меня сесть в машину.

– Господи Иисусе, кто они такие? – Острая боль пронзила Эдди грудь, ему стало трудно дышать. – Они тебя обидели?

– Со мной все в порядке... Но, Эдди, я так боюсь...

Он не знал, что и сказать. На кончике языка было столько вопросов. Какие-то люди вошли в дом и затолкали Кэрл-Энн в машину! Что же там происходит? В конце концов он выдавил:

– Зачем они посадили тебя в машину?

– Они мне не говорят.

– Но сказали они хоть что-нибудь?

– Эдди, ты должен сделать то, что они потребуют, это все, что я знаю.

Даже в гневе и страхе он вспомнил наставление отца: никогда не подписывай чек с непоставленной суммой. И все же не колеблясь сказал:

– Я сделаю, но что именно?

– Обещай!

– Я обещаю.

– Слава тебе, Господи!

– Когда с тобой все это случилось?

– Пару часов назад.

– Где ты сейчас?

– Мы в доме недалеко от... – И тут раздались приглушенные рыдания.

– Кэрл-Энн! Что происходит? Ты в порядке?

Ответа не последовало. Эдди в бессильном бешенстве сжал трубку так, что у него побелели костяшки пальцев. Затем в трубке прозвучал мужской голос, который и позвал его к телефону:

– Слушай меня внимательно, Эдвард.

– Нет, это ты меня послушай, грязный подонок! – прорычал Эдди. – Если ты причинишь ей вред, я убью тебя! Богом клянусь, буду тебя выслеживать хоть всю свою жизнь, а когда найду тебя, подонок, то оторву тебе голову собственными руками! Слышишь, что я тебе говорю?

На другом конце провода возникла пауза, там, видимо, не ожидали такой суровой тирады. Затем все тот же мужчина произнес:

– Не строй из себя супермена, ты все равно слишком далеко. – Голос выдавал некоторую неуверенность, но говорил чистую правду: Эдди был бессилен что-либо сделать. – Просто слушай меня внимательно. – Эдди с трудом сдерживался. – Ты получишь инструкции в самолете от человека по имени Том Лютер.

В самолете! Что это может значить? Кто такой Том Лютер, пассажир?

– Чего вы от меня хотите?

– Заткнись! Лютер все тебе скажет. И уж будь любезен исполнить все в точности, если хочешь снова увидеть свою жену.

– Откуда я знаю...

– И еще кое-что... Не звони в полицию. Это ничем хорошим не кончится. Но если все-таки позвонишь, я твою жену трахну, чтобы с тобой рассчитаться.

– Подонок, я...

На этом разговор оборвался.

Глава третья

Гарри Маркс был счастливчиком из счастливчиков.

Мать всегда внушала ему, что он – необыкновенный везунчик. Хотя отец его погиб во время Первой мировой войны, зато Гарри повезло с матерью, женщиной сильной и умной. Она трудилась уборщицей в конторах, добывая этим средства к существованию, и недостатка в работе не испытывала даже в годы Депрессии. Они снимали квартиру в Беттерси с краном без горячей воды на этаже и удобствами во дворе, но соседи попались дружные, готовые прийти на помощь в трудную минуту.

Гарри отличался удивительной способностью избегать неприятностей. Когда мальчиков наказывали в школе, палка в руках учителя обычно ломалась в тот момент, когда наступала его очередь. Гарри мог свалиться с повозки, но копыта лошади и колеса его не задевали.

Вором парня сделала любовь к драгоценным камням.

Еще подростком он любил прогуливаться по богатым торговым улицам Уэст-Энда, глядя на витрины ювелирных магазинов. Его завораживали бриллианты и другие драгоценные камни, посверкивавшие на темных бархатных подушечках в ярких огнях витринных ламп. Они пленяли его не только своей красотой, но и тем, что олицетворяли собой образ жизни, о котором он читал в книгах: безмятежное существование в просторных загородных домах, окруженных широкими зелеными газонами, где прелестные девушки с именами леди Пенелопа и Джессика Чамли сражались целыми днями в теннис и, разгоряченные, спешили в дом выпить чашку чая.

Он пошел в подмастерья к ювелиру, но изнывал от скуки, не находя себе места, и через полгода уволился. Чинить порванные ремешки для часов и увеличивать размер обручальных колец для отяжелевших матрон было совсем непривлекательно. Но он научился отличать рубин от граната, натуральную жемчужину от искусственной, современный бриллиант от камня старинной огранки. Он умел увидеть разницу между изысканной и примитивной оправой, отличить красивый узор от безвкусной поделки; умение оценивать ювелирные изделия еще больше разжигало в нем страсть к красивым вещам и сопутствующему им образу жизни.

В конце концов ему удалось удовлетворить обе эти страсти с помощью таких девушек, как Ребекка Моэм-Флинт.

Гарри познакомился с ней в Эскоте. Он часто заводил подружек на скачках. На свежем воздухе в толпе ему удавалось вертеться между двумя группами любителей дерби так, что каждая группа была уверена, что он принадлежит к другой. Ребекка, высокая девушка с мясистым носом, одевалась на редкость безвкусно в шерстяные платья с рюшами и носила шляпки с пером под Робин Гуда. Никто из молодых людей не обращал на нее внимания, и она была искренне растрогана, когда Гарри с ней заговорил.

Знакомство он продолжил не сразу, сочтя за лучшее не проявлять излишнего рвения. Но, когда они встретились месяц спустя на выставке картин, она приветствовала его как старого друга и представила своей матери.

Девушкам, подобным Ребекке, не полагалось, разумеется, ходить в кино или рестораны с юношами без сопровождения старших. Так могли вести себя только продавщицы да фабричные работницы. Поэтому девушки говорили родителям, что направляются куда-либо целой компанией – это считалось приличным. И действительно – начинали обычно с общей вечеринки с коктейлями. А затем незаметно расходились кто куда парами. Это идеально устраивало Гарри: поскольку он не считался официальным ухажером Ребекки, ее родителям не приходило в голову исследовать его происхождение и они никогда не подвергали сомнению невнятные рассказы Гарри про дом в Йоркшире, малоизвестную школу в Шотландии, о матери-инва-

лиде, поселившейся на юге Франции, и предстоящей службе в Королевских военно-воздушных силах.

Смутная ложь, как он выяснил, вообще была характерна для высшего общества. Ко лжи прибегали молодые люди, не желавшие признаться в отчаянной бедности, в том, что их родители – безнадежные алкоголики, или в происхождении из семей, обесчещенных скандалом. Никто и не думал поставить такого молодого человека на место, пока он не проявлял серьезных намерений в отношении какой-нибудь благовоспитанной девицы.

В подобной неопределенной манере Гарри ухаживал за Ребеккой около трех недель. Она добилась для него приглашения на загородную вечеринку в Кенте, где он играл в крикет и украл деньги у хозяев, которые не заявили в полицию, чтобы не оскорбить этим гостей. Ребекка таскала его с собой на балы, где он очищал карманы и вытаскивал кошельки. В довершение всего, когда она пригласила Гарри к себе домой, он выкрал у ее родителей небольшую сумму денег, присовокупив к ней несколько предметов столового серебра и три красивые викторианские броши, которых мать еще пока не хватилась.

С точки зрения Гарри, в том, что он делал, не было ничего аморального. Люди, которых он обворовывал, не заслужили своего богатства. Многие из них за всю жизнь и дня не проработали. Те же, кто вроде бы и работал, как правило, получали высокооплачиваемые синекуры через школьные знакомства и служили дипломатами, председателями правления компаний, судьями или даже сидели на скамьях консерваторов в парламенте. Украсть у них – все равно что убить нациста: услуга обществу, а вовсе не преступление.

Он занимался этим на протяжении двух лет и понимал, что вечно так продолжаться не может. Высший класс Британии хоть и обширен, но все-таки ограничен, рано или поздно кто-нибудь его разоблачит. Война настала как раз в тот момент, когда он был готов найти для себя что-то новенькое.

Однако идти в солдаты никакого желания не имелось. Плохая кормежка, грубое белье, муштра и палочная дисциплина не для него, тем более что форма оливкового цвета была ему не к лицу. Но вот синеватая летная форма попадала в тон его глазам, и он в воображении видел себя военным пилотом. Надо стать офицером ВВС. Как этого достичь, Гарри еще не придумал, но был уверен, что своего добьется: недаром он прослыл счастливчиком.

А пока решил использовать Ребекку, чтобы проникнуть в еще один очень богатый дом, а уж потом ее бросить.

Вечер начался на приеме в Белгрейвии в доме сэра Саймона Монкфорда, богатого издателя.

Некоторое время Гарри провел в обществе distinguished Лидии Мосс, перекормленной дочери шотландского графа. Нескладная, вечно одинокая, Лидия была девушкой того типа, что легче всего поддавались под его чары, и он флиртовал с ней минут двадцать просто в силу привычки. Затем поговорил с Ребеккой, чтобы не сердилась. После этого решил, что настал момент осуществить задуманное.

Извинившись, он покинул комнату. Вечеринка продолжалась в большой спаренной гостиной второго этажа. Когда Гарри вышел на лестничную площадку и стал подниматься по ступенькам, то почувствовал прилив адреналина в крови – так было всегда, когда он шел на дело. Мысль о том, что сейчас он совершит кражу и, возможно, будет пойман на месте преступления и разоблачен, наполняла его одновременно и страхом, и возбуждением.

Гарри поднялся на один этаж и двинулся по коридору в направлении передней части дома. Самая дальняя дверь вела, по всей видимости, в спальню хозяина. Он открыл ее, это действительно оказалась просторная спальня с занавесками с цветочным узором и широкой кроватью, убранной розовым покрывалом. Гарри уже готов был войти, как вдруг отворилась другая дверь в коридоре и послышался резкий возглас:

– Эй, стойте-ка!

Гарри повернулся, напрягшись. Он увидел мужчину своих лет; выйдя в коридор, тот с любопытством смотрел на него.

Как всегда, нужные слова сразу пришли к Гарри, когда в них возникла необходимость.

– Это, видимо, находится здесь?

– А что вы ищете?

– Туалетную комнату.

– О, понимаю. – Лицо молодого человека прояснилось. – Вам нужна зеленая дверь в другом конце коридора.

– Я вам крайне признателен.

– Да не за что.

– Замечательный дом, – бросил Гарри, шагая по коридору.

– Согласен с вами. – Молодой человек спустился по лестнице и исчез из виду.

Гарри довольно усмехнулся. Люди так доверчивы.

Он вернулся и вошел в розовую спальную комнату. Как обычно, спальня состояла из смежных помещений. Судя по цвету, это – комната леди Монкфорд. Быстро оглядевшись, он увидел небольшую гардеробную, тоже отделанную во все розовое; в смежной спальне меньшего размера с полосатыми обоями стояли обтянутые зеленой кожей стулья, к ней примыкала мужская гардеробная. Супружеские пары высшего общества часто спали порознь, это Гарри уже знал. Он еще не решил: следствие ли это меньшей похотливости, чем та, что свойственна рабочему классу, или же богачам просто приходилось изыскивать какое-то применение многочисленным комнатам своих громадных домов.

В гардеробной сэра Саймона стоял тяжелый платяной шкаф красного дерева и такой же комод. Гарри выдвинул верхний ящик комода. Там, в небольшой кожаной коробке для драгоценностей, оказался целый набор запонок, жестких вставок для воротничков и булавок для галстука, сложенных без всякого порядка. Большая их часть представляла собой обычный ширпотреб, но натренированный взгляд Гарри сразу выхватил пару изящных золотых запонок с крохотными рубинами. Он сунул их в карман. Рядом с коробкой лежал мягкий кожаный бумажник с десятью купюрами по пять фунтов. Гарри взял двадцать фунтов и был очень доволен собой. Большинству людей пришлось бы за двадцать фунтов вкалывать на тяжелой и грязной работе на фабрике не меньше двух месяцев.

Гарри никогда не крал все подчистую. Если взять немножко, то у хозяев возникнут сомнения. Они подумают, что сунули свои драгоценности в какое-то другое место или просто забыли, сколько денег оставалось у них в бумажнике, а посему воздержатся от обращения в полицию.

Он задвинул ящик комода на место и вернулся в спальню леди Монкфорд. Преодолев искушение немедленно исчезнуть, он решил рискнуть еще несколькими минутами. У женщин должны иметься цацки получше, чем у их мужей. У леди Монкфорд могли быть сапфиры. А Гарри обожал сапфиры.

Вечер выдался прекрасный, окно было широко открыто. Выглянув в него, Гарри увидел небольшой балкон с кованой железной балюстрадой. Он быстро зашел в гардеробную и сел за туалетный столик. Выдвинул все ящички и обнаружил несколько шкатулок и подносов с ювелирными изделиями. Он начал стремительно исследовать их содержимое, опасливо прислушиваясь, не откроется ли дверь в спальню.

Хорошим вкусом леди Монкфорд не отличалась. Это была премиленькая женщина, но у Гарри сложилось о ней впечатление как о человеке крайне бестолковом. Она – или ее мужек – выбирала вещи эффектные, но недорогие. Жемчуга оказались посредственные, броши крупные и уродливые, серьги нелепые, браслеты кричащие. Гарри был разочарован.

Он заколебался насчет довольно-таки привлекательной подвески, когда услышал, как открылась дверь в спальню.

Он похолодел, у него свело желудок, мысль лихорадочно заработала.

Единственная дверь из гардеробной вела в спальню.

Было небольшое окно, но наглухо закрытое, такое не откроешь быстро и бесшумно. Гарри прикидывал, успеет ли он спрятаться в гардеробе.

Оттуда, где Гарри находился, дверь из коридора в спальню не была видна. Он услышал, как дверь снова закрылась, затем покашливание женщины и легкие шаги по ковру. Повернувшись к зеркалу, он обнаружил, что может видеть спальню. Вошла леди Монкфорд, она медленно направлялась в гардеробную. Не оставалось даже времени, чтобы задвинуть ящики.

Он тяжело задышал. Страх сковал его, но Гарри уже бывал в таких переделках. Он выждал мгновение, заставил себя дышать ровнее и обрести самообладание. И двинулся навстречу хозяйке.

Он вошел в спальню стремительными шагами:

– Послушайте!

Леди Монкфорд застыла посередине комнаты. Она поднесла руку ко рту и тихонько вскрикнула.

Цветастая занавеска трепетала от ветра из открытого настежь окна, и к Гарри вернулось вдохновение.

– Послушайте, – повторил он наигранно глуповатым тоном, – я только что видел, как кто-то выпрыгнул из вашего окна.

Она наконец обрела дар речи.

– Да что такое вы хотите этим сказать? И что вы делаете в моей спальне?

Разыгрывая взятую роль, Гарри подбежал к окну и выглянул в сад.

– Он уже успел скрыться!

– Пожалуйста, объяснитесь!

Гарри глубоко вздохнул, приводя в порядок мысли. Сорокалетняя леди Монкфорд, облаченная в зеленое шелковое платье, была явно легковозбудимой женщиной. Если у него хватит выдержки, он сумеет обвести ее вокруг пальца. Гарри чарующе улыбнулся, представляясь эдаким добродушным увальнем, великовозрастным школьником – этот тип мужчины должен быть леди знаком, – и начал пудрить ей мозги:

– Мне только что довелось увидеть нечто совершенно невообразимое. Я шел по коридору, и вдруг какой-то странный тип выглянул из вашей спальни. Заметив меня, он тут же исчез за дверью. Я знал, что это ваша спальня, потому что сам минутами раньше открывал эту дверь, полагая, что тут туалетная комната. Я сразу же подумал, что тот малый затеял какое-то темное дело – он явно не был из числа ваших слуг и уж тем более гостей. Я хотел спросить, кто он такой. Но открыв дверь, я увидел, как он выпрыгивает из окна. – Затем, чтобы объяснить, отчего выдвинуты ящики туалетного столика, добавил: – Я только что осмотрел вашу гардеробную и понял, что он искал ваши драгоценности.

Блестяще, восхищенно сказал он себе, монолог достоин радиопьесы.

Леди Монкфорд прижала руки ко лбу.

– Боже мой, какой ужас! – выдавила она слабым голосом.

– Вам лучше бы сесть, – участливо сказал Гарри. Он помог ей опуститься на маленький розовый стульчик.

– Подумать только! – воскликнула леди Монкфорд. – Если бы вы за ним не погнались, он был бы здесь, когда я вошла! Я сейчас упаду в обморок. – Она крепко сжала руку Гарри. – Я вам так благодарна!..

Гарри подавил улыбку. Снова удалось уйти от возмездия.

На мгновение он представил, что будет дальше. Надо сделать так, чтобы она не подняла слишком большого шума. Лучше всего, если бы леди Монкфорд не стала распространяться о случившемся.

– Я прошу вас, не надо рассказывать Ребекке о том, что произошло, ладно? – Это был его первый ход. – Она ужасно нервная, и такое происшествие может на несколько недель повергнуть ее в депрессию.

– И меня тоже, – сказала леди Монкфорд. – На несколько недель! – Она была чересчур расстроена, чтобы сообразить, что столь добродушная, крепкая девушка, как Ребекка, вряд ли даже представляет себе, что такое депрессия.

– Вы, наверное, захотите известить полицию, но это, конечно, сорвет вечеринку, – продолжил он свою партию.

– Да, это будет крайне неприлично! А я обязательно должна звонить в полицию?

– Ну... – Гарри старательно прятал удовлетворение. – Все зависит от того, что взял этот негодяй. Почему бы вам не посмотреть, не украл ли он нечто ценное?

– О Боже, ну конечно!

Гарри ободряюще сжал женщине руку и помог ей подняться. Они вместе вошли в гардеробную. Она охнула, увидев выдвинутые ящики. Гарри проводил ее до стула. Леди Монкфорд села и начала рассматривать свои драгоценности. И вскоре сказала:

– Не думаю, что он чем-нибудь поживился.

– Это потому, что я его спугнул: он просто не успел.

Женщина продолжала перебирать браслеты, ожерелья и броши.

– Должно быть, вы правы. Как это мило с вашей стороны.

– Если ничего не исчезло, то нет смысла кого-нибудь оповещать.

– Кроме сэра Саймона, разумеется.

– Конечно, – подтвердил Гарри, хотя надеялся, что и этого удастся избежать. – Вы можете рассказать ему о происшедшем после вечеринки. Так вы никому не испортите праздничного настроения.

– Замечательная мысль, – сказала она с благодарностью в голосе.

У Гарри отлегло от сердца. Все уладилось как нельзя лучше. Но теперь разумнее будет уйти.

– Я пойду вниз, – сказал он, – а вы тем временем придете в себя. – Гарри быстро наклонился и поцеловал ее в щеку. От изумления леди Монкфорд покраснела. А он шепнул ей на ухо: – По-моему, вы вели себя очень храбро, – и с этими словами вышел из комнаты.

С женщинами средних лет еще проще, чем с их дочерьми, подумал Гарри. В пустом коридоре увидел свое отражение в зеркале. Он остановился, поправил галстук-бабочку, победно улыбнулся собственному отражению и прошептал, чуть шевеля губами:

– Ты дьявол, Гарольд.

Вечеринка близилась к концу. Когда он вошел в гостиную, его встретил раздраженный голос Ребекки:

– Ты где пропадал?

– Беседовал с хозяйкой дома. Извини. Не пора ли нам уйти?

Он вышел из дома с запонками хозяина и двадцатью фунтами из его бумажника в кармане.

На Белгрейв-сквер они взяли такси и поехали в ресторан на Пиккадилли. Гарри обожал хорошие рестораны: ощущение благополучия пронизывало его от накрахмаленных салфеток, отполированных бокалов, меню на французском языке и почтительных официантов. Его отцу ни разу не довелось бывать в подобных местах. Матери – может быть, если она нанималась там прибираться. Он заказал бутылку шампанского, тщательно изучив винную карту и выбрав год розлива, известный хорошим урожаем винограда, но не какой-то раритет, чтобы это не стоило бешеных денег.

Когда Гарри только начинал водить девушек в рестораны, то наделал немало ошибок. Но он быстро учился. Один из полезных трюков состоял в том, чтобы, не раскрывая меню,

сказать: «Я обожаю камбалу, у вас сегодня она имеется?» Официант открывал меню и показывал ему строчку: «Sole meuniere, Les goujons de sole avec sauce tartar, а также Sole grillée»¹, а затем, увидев, что он в нерешительности, говорил что-нибудь вроде: «*Goujons* сегодня исключительно хороши, сэр». Гарри вскоре уже знал французские названия основных блюд. Он обратил внимание, что люди, часто посещающие престижные рестораны, нередко расспрашивали официанта, что собой представляет то или иное блюдо: богатые англичане не всегда понимали по-французски. Гарри взял в привычку спрашивать, как переводится название определенного блюда всякий раз, когда обедал в изысканном ресторане, и научился вскоре читать меню лучше большинства богатых молодых людей, своих сверстников. Выбор вина тоже не составлял проблемы. Официантам, ведавшим винами, почти всегда льстило, когда посетители просили их что-либо порекомендовать, да они и не ждали, что молодой человек знаком со всеми виноградниками французских провинций и может отличить урожай одного года от другого. Вся хитрость заключалась в том, что в ресторанах, как и в жизни, нужно демонстрировать уверенность в себе, особенно когда ее нет и в помине.

Шампанское он выбрал отменное, но что-то сегодня Гарри был не в духе. И вскоре он понял, что все дело в Ребекке. Подумал, как было бы хорошо прийти в такое местечко с *хорошенькой* девушкой. А то все время с ним малопривлекательные девицы: простецкие, толстые, прыщеватые. Знакомиться с ними легко, а потом, когда они к нему привязываются, то лишних вопросов не задают и верят каждому слову Гарри, боясь потерять ухажера. В его планах проникновения в богатые дома это было ему на руку. Беда только в том, что все время приходилось проводить с девушками, которые ему не нравились. Но когда-нибудь, наверное...

Ребекка сегодня тоже явно находилась не в духе. Чем-то она раздосадована. Быть может, все дело в том, что после регулярных встреч в течение трех недель Гарри даже не попробовал «зайти слишком далеко», чем была бы, по представлениям девушки, попытка прикоснуться к ее груди. Но вся беда заключалась в том, что он не мог даже притвориться, будто питает к ней плотские чувства. Гарри умел ее очаровывать, ухаживать за ней, заставить смеяться, пробудить чувство к себе, но не мог вызвать у себя желания обладать ею. Да еще мешало и мучительное воспоминание о том, как однажды он оказался на сеновале с мрачной худосочной девицей, решительно вознамерившейся расстаться с невинностью, и Гарри пытался заставить себя ей в этом посодействовать, но тело отказалось повиноваться, и его до сих пор не оставляет жгучее чувство неловкости, когда он вспоминает о той истории.

Сексуальный опыт Гарри приобрел с девушками своего класса, и никакая из этих связей не затянулась надолго. Только одна любовная история затронула его глубоко. Когда ему было восемнадцать, его бесстыдно подцепила на Бонд-стрит женщина намного старше Гарри, скупающая жена вечно занятого юриста, и они оставались любовниками целых два года. Гарри многому у нее научился, прежде всего самому сексу – тут энтузиазм наставницы не знал пределов, а также манерам, принятым в высшем обществе, которые он незаметно усвоил, и еще – поэзии: в постели они часто читали и обсуждали стихи. Гарри глубоко к ней привязался. Она прервала их отношения грубо, в одночасье, когда мужу открылось, что у нее есть любовник (хотя кто именно, он так и не узнал). Потом Гарри несколько раз их видел, и женщина смотрела на него, как на пустое место. Гарри считал, что это жестоко. Та женщина для него многое значила, и ему казалось, что и она к нему равнодушна. Что же тогда демонстрировало ее поведение – силу воли или бессердечность? Этому ему, видимо, так и не суждено узнать.

Ни шампанское, ни отменная еда не подняли настроения ни Гарри, ни Ребекке. Он места себе не находил. Гарри уже запланировал после этого свидания постепенно расстаться с Ребеккой, но внезапно почувствовал, что не в состоянии провести даже остаток вечера в ее обществе. Вдруг стало жалко и денег, которые Гарри потратит на ужин. Он взглянул на ее брюзг-

¹ Камбала в панировке, жареная камбала с соусом тартар, камбала, жаренная на гриле (фр.). – Примеч. пер.

ливое лицо, не знавшее косметики, как бы сплющенное под этой глупой шляпой с пером, и почувствовал, что ненавидит Ребекку.

После десерта Гарри заказал кофе и отправился в туалет. Раздевалка находилась рядом с дверью в мужскую уборную и от их столика была не видна. Он поддался непреодолимому импульсу. Взял свою шляпу, дал на чай гардеробщику и выскользнул из ресторана.

Ночь стояла теплая. Из-за светомаскировки было очень темно, но Гарри хорошо ориентировался в Уэст-Энде, да и огоньки машин помогали держать нужное направление, автомобили двигались, не включая фары, но и габаритных фонарей ему было достаточно. У него возникло такое ощущение, будто он сбежал с уроков в школе. Он избавился от Ребекки, сэконобил семь или восемь фунтов и теперь свободен – и все это благодаря нахлынувшему на него вдохновению.

Театры, кино и танцевальные залы были закрыты правительственным распоряжением «до оценки характера угрозы Британии со стороны немцев», как говорилось в нем. Но ночные клубы всегда действовали на грани закона, и многие из них были открыты, если знаешь, где их искать. Вскоре Гарри уютно устроился за столиком в подвале в районе Сохо, потягивая виски, слушая первоклассный американский джаз-оркестр и раздумывая, не завязать ли интрижку с девушкой, разносившей сигареты.

Он был погружен в эти размышления, когда вошел брат Ребекки.

На следующее утро Гарри сидел в подвале здания суда, подавленный и полный раскаяния, ожидая, когда настанет его очередь предстать перед мировым судьей. Да, случилась настоящая беда.

Глупо, конечно, было вот так уйти из ресторана. Ребекка не из тех, кто проглотит обиду и тихо оплатит счет. Она устроила скандал, управляющий позвонил в полицию, впуталась и ее семья... Это была одна из тех ситуаций, которых Гарри всегда тщательно избегал. И все равно он выкрутился бы, если бы не наткнулся несколько часов спустя на брата Ребекки.

В камере, кроме него, находилось пятнадцать или двадцать арестованных, у которых на это утро была назначена встреча с судьей. В ней не было окон, висел густой табачный дым. Сегодня еще не суд, а лишь предварительное слушание.

Конечно, его признают виновным. Свидетельства против него неоспоримы. Официант подтвердит показания Ребекки, а сэр Саймон Монкфорд – что запонки принадлежат ему.

Но все оказалось еще хуже. Гарри допрашивал инспектор департамента уголовного розыска в саржевой униформе, белой рубашке с черным галстуком и до блеска начищенных, хотя и разношенных ботинках; это был опытный следователь с острым умом, умевший тщательно подбирать слова. Он сказал:

– На протяжении последних двух-трех лет к нам поступают довольно-таки странные сообщения из богатых домов о пропавших драгоценностях. Не *украденных*, разумеется. Просто пропавших. Браслеты, серьги, подвески, мужские запонки... Люди, сообщавшие о пропажах, были убеждены, что все это не могло быть украдено их именитыми гостями. А сообщали они только на тот случай, если пропавшие вещицы где-нибудь неожиданно всплывут.

Гарри глухо молчал во время допроса, на душе было мерзко. Он проникся убеждением, что его подвиги пока никто не заметил. Узнать обратное было настоящим шоком: оказывается, они давно уже протоколируются.

Следователь раскрыл толстую папку.

– Граф Дорсетский: серебряная бонбоньерка в георгианском стиле и лакированная табакерка, тоже георгианская. Миссис Гарри Джасперс: жемчужный браслет с рубиновой застежкой от Тиффани. Графиня ди Мальволи: подвеска с бриллиантами стиля арт-деко на серебряной цепочке. У этого похитителя отменный вкус. – И следователь пристально посмотрел на бриллиантовые запонки рубашки Гарри.

Гарри понял, что в досье скорее всего содержатся данные о десятках его преступлений. Он понимал, что когда-нибудь попадет за решетку хотя бы за некоторые из них. Этот проницательный следователь собрал все основные факты: ему не составит труда найти свидетелей, которые подтвердят, что Гарри присутствовал во всех домах в те дни, когда пропадали вещи. Рано или поздно полицейские учинят обыск у него и в доме матери. Большая часть драгоценностей продана скупщикам краденого, но несколько вещей он решил оставить: например, запонки, привлечшие особое внимание следователя, что были сняты с пьяного джентльмена на балу в доме на Гровенор-сквер, а у матери спрятана брошь, которую он ловко отстегнул с груди одной графини на свадьбе в Сюррей-гарден. Да и вообще, что Гарри может ответить на вопрос – на какие деньги он живет?

Да, в тюрьму его упрячут надолго, а когда он выйдет, забреют в армию, что в конечном счете одно и то же. От этой мысли кровь стыла в жилах.

Он упрямо отказывался говорить, даже когда следователь взял его за лацканы вечернего костюма и с силой прижал к стене. Но молчание Гарри не спасет – время играло на стороне закона.

У него оставался только один шанс обрести свободу. Надо убедить мирового судью отпустить его под залог и скрыться. Свободы вдруг захотелось так сильно, будто он провел за решеткой уже несколько лет, а не часов.

Исчезнуть будет нелегко, но альтернатива еще хуже.

Обворовывая богатых, он привык к их жизненному стилю. Гарри поздно вставал, пил кофе из фарфоровой чашки, прекрасно одевался и ел в дорогих ресторанах. Иногда ему доставляло удовольствие вернуться к корням, выпить в пабе со старыми приятелями или сводить мать в кинотеатр «Одеон». Но мысль о тюрьме непереносима: грязная одежда, грубая пища, невозможность уединиться и, хуже всего, уничтожающая скука абсолютно бессмысленного существования.

Его даже передернуло от отвращения, и он сосредоточился на мысли об освобождении под залог.

Полиция, конечно же, будет против этого, но решение принимают судьи. Гарри никогда раньше не представлял перед судьей, но на улицах, где он вырос, люди знали про это все, как знали, кому положено муниципальное жилье или чем чистить от сажи трубы. Залог был невозможен только в тех случаях, когда дело касалось убийства. В остальных все отдавалось на усмотрение судей. Обычно они соглашались с предложениями полиции, но не всегда. Иногда их удавалось уговорить – адвокату или самому подсудимому, рассказав какую-либо жалостливую историю. Иногда, если полицейский обвинитель держался чересчур надменно, они разрешали залог, просто чтобы утвердить собственную судебскую независимость. Нужно найти деньги, фунтов двадцать пять или пятьдесят. Это не проблема. У него было полно денег. Ему разрешили позвонить, и он соединился с газетным киоском на углу улицы, где жила мать, и попросил Берни, киоскера, послать кого-нибудь из мальчишек-разносчиков газет позвать ее к телефону. Когда мать взяла трубку, он сказал, где лежат деньги.

– Они выпустят меня под залог, ма. – Гарри старался говорить как можно бодрее.

– Знаю, сынок, – сказала мать. – Ты всегда был большим везунчиком.

А если не разрешат...

«Я не раз выбирался из трудных ситуаций», – приободрил он себя.

Да, но не настолько трудных.

– Маркс! – крикнул надзиратель.

Гарри встал. Он еще не знал, что скажет, но полагался на присущее ему умение импровизировать. И все же сегодня хотелось бы иметь какую-то версию наготове. Однако будь что будет, сказал он себе решительно. Гарри застегнул пиджак, поправил галстук-бабочку, вместо платка расправил белую подкладку нагрудного кармана. Потер подбородок и подумал, что

хорошо бы побриться. В последнюю минуту некое зернышко версии промелькнуло в голове, и Гарри быстро снял запонки и сунул их в карман брюк.

В решетчатой двери повернулся ключ, и он вышел из камеры.

Гарри повели по цементной лестнице, которая вывела его прямо к скамье подсудимых в центре зала суда. Перед ним находилась скамья для адвокатов, сейчас пустая, секретарь суда и судебный адвокат за отдельным столом, а также судейская скамья с тремя непрофессиональными, общественными мировыми судьями.

«Иисусе, – взмолился Гарри, – пусть эти гады меня отпустят».

На галерее для прессы сидел единственный репортер с блокнотом на коленях. Гарри повернул голову назад и увидел среди публики мать в лучшем ее платье и новой шляпе. Она с особым смыслом постукала себя по карману: это должно было, по-видимому, означать, что деньги на выкуп при ней. К своему ужасу, Гарри увидел на матери брошь, которую он стащил у графини Эйрской.

Он повернулся к судьям и сжал поручень, чтобы унять дрожь в руках. Обвинитель, лысый полицейский инспектор с крупным носом, произнес, обращаясь к судьям:

– Номером третьим в вашем списке значится: кража денег в сумме двадцати фунтов и пары золотых запонок стоимостью пятнадцать гиней, принадлежащих сэру Саймону Монкфорду, а также извлечение денежной выгоды посредством обмана в ресторане «Сан Рафаэль» на Пиккадилли. Полиция испрашивает разрешения держать подозреваемого под стражей, поскольку расследуются и другие его правонарушения, связанные с кражей больших денежных сумм.

Гарри внимательно разглядывал судей. С одного края стола сидел старый чудак с белыми баками и туго накрахмаленным воротничком, с другого – человек с военной выправкой и в галстук с полковой эмблемой. Оба смотрели на Гарри осуждающе, явно исходя из предположения, что всякий, кто предстает перед ними, уж в чем-нибудь, да виновен. Чувство обреченности овладело им. Но затем он сказал себе, что глупый предрассудок легко можно обратить в не менее глупую доверчивость. Лишь бы они не оказались слишком умными, когда Гарри начнет пускать им пыль в глаза. Председатель, находившийся в центре, был единственным, с кем следовало считаться всерьез. Этот мужчина средних лет с седыми усами, в сером костюме, сидел с таким выражением усталости от жизни на лице, которое как бы говорило, что он за свои годы выслушал столько высосанных из пальца историй и похожей на правду брехни, что удивить его чем-нибудь будет совершенно невозможно. Вот от кого все зависит, заволновался Гарри.

– Вы испрашиваете разрешения выйти под залог? – спросил председательствующий.

Гарри прикинулся растерявшимся от этого вопроса.

– О Боже милостивый! Наверное, да. Да, да, я хотел бы.

Все трое судей тут же как бы выпрямились, обратив внимание на его произношение – акцент человека из высшего общества. Гарри был рад эффекту, произведенному его словами. Он гордился своим умением сбивать людей с толку, прикидываясь не тем, кого они ожидали увидеть. Реакция судей приободрила его.

«Я могу обвести их вокруг пальца, – подумал он. – Ей-ей могу».

– Итак, что вы можете сказать в свое оправдание? – спросил председатель.

Гарри внимательно прислушивался к акценту председателя, стараясь точнее определить социальную принадлежность этого судьи. Наконец решил, что тот относится к образованному среднему классу: фармацевт, быть может, или управляющий в банке. Наверняка человек умный, но привычно тянущийся к высшему обществу.

Гарри напустил на себя вид крайней растерянности и взял тон ученика, говорящего с директором школы.

– Мне кажется, сэр, – начал он, – что тут имеет место ужасающее недоразумение. – Еще одна зарубка для судей, проявивших явный интерес. Они переменили позы и подались чуточку вперед. Дело будет не рядовое, это им уже ясно, и они были благодарны такой разрядке после гнетущей рутины. – Говоря по правде, ребята вчера в Карлтон-клубе выпили изрядное количество портвейна, и в этом, боюсь, все дело. – Он выдержал паузу, словно ему больше нечего было сказать, и выжидающе посмотрел на судей.

– Карлтон-клуб! – повторил судья «военная косточка». Интонация его реплики говорила о том, что члены этого августейшего заведения не часто предстают перед судьями.

Гарри подумал, не зашел ли он слишком далеко. Наверняка судьи не поверят, что он состоит в этом клубе. Гарри поспешил добавить:

– Мне крайне неловко, но я обойду всех и *немедленно* извинюсь перед каждым, чтобы поскорее уладить всю эту историю... – Он сделал вид, что только сейчас вспомнил о том, что на нем все еще вечерний костюм. – То есть как только переоденусь.

– Иными словами, вы хотите сказать, что не намеревались взять двадцать фунтов и пару запонок? – спросил «старый чудак».

В тоне его слышалось недоверие, но уже тот факт, что судьи стали задавать вопросы, был добрым знаком. Это значило, что они не отмени с порога его версию. Если бы судьи не поверили ни единому его слову, они не затруднили бы себя дополнительными вопросами. Сердце Гарри ожило: шансы выйти на свободу остаются!

– Запонки я одолжил, – заявил он. – Я пришел в клуб, забыв надеть запонки. – Гарри поднял руки, чтобы продемонстрировать незастегнутые манжеты, торчащие из рукавов пиджака. Запонки лежали в кармане.

– А что насчет двадцати фунтов? – осведомился «старый чудак».

Этот вопрос потруднее, с беспокойством размышлял Гарри. Никакого правдоподобного объяснения на ум не приходило. Можно забыть запонки и у кого-нибудь их одолжить, но взять деньги без разрешения равнозначно воровству. Он готов был удариться в панику, но его снова выручило вдохновение.

– Я думаю, что сэр Саймон может ошибаться насчет того, сколько именно денег лежало в его бумажнике. – Гарри понизил голос, как бы говоря судьям нечто доверительное, что простому человеку в зале суда слушать не следовало. – Он ужасно богат, сэр.

– Он разбогател не потому, что не знал, сколько у него денег, – возразил председатель. Среди публики раздались взрывы смеха. Чувство юмора – тоже хороший знак, но на лице судьи не было и тени улыбки: смешить публику он вовсе не собирался. «Определенно, этот тип – управляющий банком, деньги для него – не повод для шуток», – подумал Гарри. – А почему вы не оплатили счет в ресторане? – продолжил допрос судья.

– Поверьте, я крайне сожалею об этом. У меня вышла ужасная ссора с... моей спутницей. – Гарри нарочито воздержался от упоминания имени своей спутницы: приплетать имя женщины в делах такого рода – признак крайне дурного тона, и судья не может этого не знать. – Я так сильно вспылел, что выскочил оттуда как ужаленный и совсем забыл о счете.

Председатель строго и пристально посмотрел на Гарри поверх очков. И тот почувствовал, что где-то ошибся. Сердце его упало. Что такое он ляпнул? Быть может, проявил небрежное отношение к денежному долгу? Это в порядке вещей в высшем обществе, но дурной знак для управляющего банком. Гарри охватила паника, он решил, что сейчас потеряет все, чего ему удалось добиться, из-за ошибочного представления о председателе суда.

– Крайне безответственный поступок с моей стороны, сэр! – быстро выпалил он. – Вечером я зайду в этот ресторан и, разумеется, урегулирую инцидент. В том случае, конечно, если вы мне это позволите.

Трудно было определить, смягчили ли его слова председателя.

– То есть вы хотите сказать, что в результате ваших объяснений выдвинутые против вас обвинения будут сняты?

Гарри решил больше не стараться давать чересчур гладкие ответы на каждый вопрос. Он с глуповатым видом опустил голову.

– Я думаю, что, если люди, выдвинувшие против меня свои обвинения, их не снимут, это послужит мне заслуженным уроком.

– Я тоже так думаю, – сказал председатель жестко.

Старый напыщенный дурак, подумал про него Гарри, но он уже понял, что при всей унизости происходящего последний обмен репликами скорее в его пользу. Чем сильнее судьи поносят Гарри, тем менее вероятно, что они отправят его за решетку.

– Хотите ли вы сказать что-нибудь еще? – спросил председатель.

– Только одно: мне ужасно стыдно за все случившееся, – тихо произнес Гарри.

– Хм, – скептически хмыкнул председатель, но «военная косточка» одобрительно кивнул.

Трое судей тихо совещались между собой. Гарри внезапно осознал, что надолго задержал дыхание, и шумно выдохнул воздух. Мысль о том, что все его будущее в руках этих старых дурней, была непереносима. Ему хотелось, чтобы они поторопились со своим решением, но когда все трое наконец согласно кивнули, у него вдруг возникло желание как-то оттянуть приговор.

Председатель поднял голову.

– Надеюсь, что ночь, проведенная в камере, послужит вам уроком.

«О Боже! Кажется, он склонен меня выпустить».

Гарри шумно проглотил слюну и сказал:

– Вы абсолютно правы, сэр. Я не хотел бы там побывать еще хоть раз.

– Да уж не советую.

Последовала пауза. Председатель отвел взгляд от Гарри и обратился к суду:

– Я не хочу сказать, что мы поверили всему, что здесь услышали, но мы не считаем, что расследование данного дела требует тюремного заключения подозреваемого. – Вдох облегчения вырвался из груди Гарри, у него подкосились ноги. – Освободить Гарри Маркса под залог в пятьдесят фунтов.

Гарри был отпущен.

Он смотрел на улицы новыми глазами, так, словно провел в тюрьме целый год, а не всего несколько часов. Лондон готовился к войне. Десятки громадных серебряных аэростатов парили высоко в небе, преграждая путь вражеским самолетам. Магазины и общественные здания были обложены мешками с песком, чтобы уменьшить повреждения при бомбардировке. В парках появились бомбоубежища, все ходили с противогазами. Люди знали, что могут погибнуть в любую минуту, и, забыв обычную сдержанность, охотно вступали в разговор с незнакомцами.

Великую войну Гарри не помнил – когда она закончилась, ему было всего два года. Мальчиком он думал, что «война» – это название какого-то места, потому что вокруг все говорили: «Твой отец погиб на войне», ну как бы: «Пойди поиграй в парке», «не свались в реку», «мать ушла убираться в пабе». Потом, когда Гарри стал достаточно взрослым и начал понимать, что он потерял, любое упоминание о войне отдавалось в нем острой болью. С Марджори, женой юриста, бывшей в течение двух лет его любовницей, он читал стихи о войне и какое-то время считал себя пацифистом. Потом, увидев, как маршируют на улицах Лондона чернорубашечники, и испуганные лица старых евреев, он пришел к выводу, что есть войны достойные, в которых стоит сражаться. В последние годы Гарри проникся отвращением к политике британского правительства, закрывавшего глаза на то, что творилось в Германии, – оно надеялось, что Гитлер повернет в другую сторону и обрушится на Советский Союз. Но теперь, когда война

и в самом деле началась, он думал только о всех тех мальчиках, в жизни которых, как и у него, вместо отца будет зиять пустота.

Но бомбардировщики еще не прилетали, и стоял солнечный летний день.

Гарри решил не возвращаться к себе домой. Полиция будет взбешена из-за того, что его выпустили под залог, и арестует при первой же возможности. Лучше всего на время затаиться. Так не хотелось обратно в тюрьму. Но сколько еще ему предстоит жить, боязливо оглядываясь по сторонам? Можно ли навсегда спрятаться от полиции? А если нельзя, то что же делать?

Вместе с матерью Гарри сел в автобус. Пока он поедет к ней в Бэттерси.

Мать была печальна. Она знала, как сын зарабатывает себе на жизнь, хотя об этом они никогда с Гарри не говорили. Мать задумчиво сказала:

– Я так и не сумела ничего тебе дать.

– Ты дала мне все, – запротестовал он.

– Нет, иначе зачем бы ты стал воровать?

Гарри не нашелся что ответить.

Сойдя с автобуса, он подошел к газетному киоску на углу, поблагодарил Берни за то, что тот позвал мать к телефону, и купил свежий выпуск «Дейли экспресс». В глаза бросился заголовок: «ПОЛЯКИ БОМБЯТ БЕРЛИН». Вдруг на улице он увидел полисмена, едущего на велосипеде, и на момент страшно испугался, хотя понимал, что это глупо. Гарри чуть не повернул назад и не бросился наутек, но потом взял себя в руки, вспомнив, что на арест полицейские ходят парами.

«Так жить я не смогу», – сказал он себе.

Они поднялись по каменной лестнице на пятый этаж. Мать поставила чайник.

– Я отутюжила твой синий костюм, ты можешь переодеться. – Она следила за его одеждой, пришивала пуговицы, штопала шелковые носки.

Гарри зашел в спальню, выдвинул из-под кровати свой чемодан и пересчитал деньги.

За два года воровства у него собралось двести сорок семь фунтов. «Я же надывал раза в четыре больше, – подумал он, – интересно, куда ушло остальное?»

Еще у него был американский паспорт.

Он внимательно его перелистал. Вспомнил, как обнаружил его в ящике письменного стола у какого-то дипломата в Кенсингтоне. Хозяина паспорта, как и его самого, звали Гарольд, да и на фотографии дипломат был довольно-таки на него похож, и он решил паспорт на всякий случай прихватить.

Америка – пришла в голову мысль.

Он умеет говорить с американским акцентом. Да к тому же знает то, что большинству англичан неизвестно: в Америке много разных акцентов, один шикарнее другого. Взять, к примеру, название «Бостон». Бостонцы скажут «Бастон». Ньюйоркцы произнесут «Боустон». И еще чем больше ваш выговор напоминает чисто английский, тем к более высокому классу вы принадлежите в Америке. Ко всему прочему миллионы богатых американских девиц только того и ждут, когда объявится какой-нибудь женишок.

А в этой стране его не ждет ничего, кроме тюрьмы и армии.

Итак, у него в кармане паспорт и немалая сумма. В шкафу у матери висит чистый отутюженный костюм, остается только купить чемодан да несколько рубашек. А до Саутхемптона всего семьдесят пять миль.

Он может уехать уже сегодня.

Такое может только присниться.

Мать позвала его из кухни, выведя из состояния задумчивости:

– Гарри, хочешь бутерброд с ветчиной?

– С удовольствием.

Он устроился за кухонным столом. Мать подала ему бутерброд.

– Поехали в Америку, ма, – сказал он.
– Я, в Америку? – Она расхохоталась. – Что я, спятила?
– Я серьезно. Я решил уехать.
– Это не для меня, сынок. – Она посерьезнела. – Я уже стара для эмигрантки.
– Но ведь здесь будет война.
– Я пережила одну войну, всеобщую забастовку и Депрессию. – Она обвела глазами крохотную кухню. – У меня мало что есть, но то, что есть, – мое.

Гарри и не надеялся, что мать согласится, но теперь, когда она отказалась, ему стало грустно. Кроме матери, другого близкого человека у него не было.

– Чем же ты там займешься? – спросила она.
– Тебя беспокоит, что я снова стану воровать?
– У воровства один конец. Не слышала еще, чтобы «чайный листик» не попал в конце концов за решетку.

«Чайный листик» – это «вор» на блатном жаргоне.

– Хочу в авиацию, научиться летать.
– Тебя возьмут?
– Там, в Америке, происхождение никого не волнует. Будь ты хоть из рабочих, лишь бы шевелились мозги.

Она чутьчку повеселела. Мать потягивала чай, Гарри жевал бутерброд. Покончив с ним, он достал из кармана деньги, отсчитал пятьдесят фунтов и протянул их матери.

– Зачем это? – сказала она. Такие деньги уборщица зарабатывала года за два.
– Пригодится. Возьми, ма. Я так хочу.
– Значит, уезжаешь? – Она взяла деньги.
– Одолжу мотоцикл у Сиды Бреннана и сегодня же поеду в порт Саутхемптон.
Она подалась вперед и сжала его руку.
– Удачи тебе, сынок.
– Я пришлю тебе еще денег из Америки. – Он положил ладонь на руку матери.
– Ни к чему. Ну разве уж заведутся лишние. Лучше пиши мне время от времени, чтоб я знала, как твои дела.

– Я буду писать.

Ее глаза наполнились слезами.

– Как-нибудь приезжай, проведай свою мать.

Он нежно сжал ее руку.

– Конечно, ма, я обязательно вернусь.

В парикмахерской Гарри посмотрел на себя в зеркало. Синий костюм, за который он на Савил-роу отдал тринадцать фунтов, отлично на нем сидел и идеально шел к его голубым глазам. Мягкий воротничок новой рубашки выглядел вполне по-американски. Парикмахер провел щеткой по плечам двубортного пиджака. Гарри расплатился и вышел.

Он поднялся по мраморной лестнице из подвального этажа и вошел в изысканно отделанный холл отеля «Саут-вестерн». В нем толпились люди. Холл служил пунктом отправки для большей части пассажиров, отплывающих через Атлантику. Тысячи людей хотели уехать из Англии.

Сколько их, Гарри узнал, пытаясь купить билет на лайнер. Все было продано на недели вперед. Некоторые пароходные компании закрыли даже свои кассы, потому что всем пришлось отвечать одно и то же: билетов нет. Попытка уехать казалась безнадежной. Он готов был уже отказаться от своего намерения и придумать какой-то другой план, но тут кто-то из служащих сказал ему про «Клипер» компании «Пан-Американ».

О «Клипере» он читал в газетах. Регулярные рейсы начались летом. До Нью-Йорка самолет летит тридцать часов вместо четырех-пяти суток на пароходе. Но билет в один конец стоил не менее девяноста фунтов. Девяноста фунтов! Этих денег почти хватило бы на покупку новой машины.

Гарри всегда отличался транжирством. Это выглядело безумием, но сейчас, решившись уехать, он был готов заплатить любые деньги, лишь бы выбраться из Англии. Привлекала и соблазнительная роскошь самолета: всю дорогу до Нью-Йорка поят шампанским. Такое вот расточительное сумасбродство Гарри просто обожал.

Он уже не вскакивал всякий раз при виде полицейского – откуда саутхемптонская полиция может о нем что-то знать? Но Гарри нервничал по другому поводу: раньше он никогда не летал.

Гарри посмотрел на свои наручные часы марки «Патек Филипп», украденные им когда-то у королевского конюшего. Еще было время выпить чашечку кофе, унять неприятное ощущение в желудке. Он направился в бар.

Когда Гарри потягивал кофе, в бар вошла поразительно красивая женщина. Натуральная блондинка в кремовом шелковом платье в оранжево-красный горошек, обуженном в талии. Слегка за тридцать, лет на десять старше Гарри, но он все равно расплылся в улыбке, встретившись с ней взглядом.

Она села за соседний столик, сбоку от Гарри, и он не мог оторвать глаз от шелка в горошек, облежавшего ее грудь и колени. На ней были кремовые туфли и соломенная шляпа, небольшую сумку женщина поставила рядом с собой на столик.

Вскоре к ней присоединился мужчина в блейзере. Прислушиваясь к их разговору, Гарри понял, что она – англичанка, а он – американец. Гарри слушал внимательно, мысленно шлифуя свой акцент. Ее звали Диана, его – Марк. Мужчина нежно коснулся ее руки. Она подалась к нему. Влюблены, решил Гарри, не видят никого, кроме друг друга, словно бар пуст.

Острое чувство зависти пронзило его.

Он отвернулся. Ему все еще было не по себе. Вскоре он полетит над Атлантикой. Столько времени внизу не будет земли. Для него оставался загадкой принцип воздухоплавания: пропеллеры крутятся, а самолет почему-то поднимается в воздух.

Прислушиваясь к разговору Марка и Дианы, он старался напустить на себя беззаботный вид. Гарри не хотел, чтобы другие пассажиры «Клипера» видели, что он нервничает.

«Я Гарри Ванденпост, – входил он мысленно в свой новый образ, – состоятельный американец, возвращающийся домой из-за войны в Европе. (Американцы, кстати, называют нашу Европу «Юррап».) Пока я без работы, но уверен, что скоро подберу себе подходящее занятие. У отца есть акции. Мать, упокой Господь ее душу, была англичанкой, в Англии я ходил в школу. В университет поступать не стал – зубрежка не по мне. (Интересно, как американцы называют зубрежку? Так же, как мы, или иначе? Надо будет выяснить.) Я столько прожил в Англии, что нахватался местных жаргонных словечек. Конечно, я несколько раз летал, но это, ей-ей, мой первый полет через Атлантику. И я просто сгораю от нетерпения!»

Когда он допил кофе, чувство страха куда-то улетучилось.

Эдди Дикин повесил трубку. Оглядел холл: ни души. Никто не подслушивал. Дикин с тупой ненавистью посмотрел на аппарат, будто именно он вверг Эдди в этот кошмар, который еще можно остановить, разбив телефон на куски. Потом медленно отвел взгляд в сторону.

Кто они такие? Где они прячут Кэрол-Энн? Зачем они ее похитили? Чего они могут хотеть от него? Вопросы жужжали в голове, как мухи в банке. Он попытался поразмыслить. Он заставил себя сосредоточиться над этими вопросами по очереди.

Кто они такие? Просто какие-то психи? Нет. Для этого они слишком хорошо все организовали. Психи могут совершить похищение, но узнать, где будет находиться Эдди в определенное время, дозвониться, захватив к тому моменту Кэрол-Энн... Нет, все говорит о тщательной подготовке. Значит, это вполне рациональные люди, но готовые совершить преступление. Может быть, какие-нибудь анархисты, но скорее всего он имеет дело с гангстерами.

Где они держат Кэрол-Энн? Она сказала, что находится в каком-то доме. Дом может принадлежать одному из похитителей, но вероятнее, что они захватили или арендовали пустой дом в изолированном месте. Кэрол сказала, что это случилось несколько часов назад, – значит, тот дом находится милях в шестидесяти – семидесяти от Бангора.

Зачем они ее похитили? Им что-то нужно от него, нечто такое, чего он не даст им добровольно, чего не сделает за деньги, в чем он им наверняка отказал бы. Но что именно? Денег у него нет, секретов не знает, никто ему не подвластен.

Значит, это «нечто» имеет какое-то отношение к «Клиперу».

Эдди сказали, что инструкции он получит на борту самолета от человека по имени Том Лютер. Быть может, этот Лютер работает на кого-то, кому нужны сведения о конструкции самолета, об управлении им? Другая авиакомпания или даже другая страна? Возможно. Допустим, немцы или японцы хотят создать точно такой же самолет и использовать его как бомбардировщик. Но получить чертежи можно куда более легким путем. Сотни или даже тысячи людей способны дать такую информацию: служащие «Пан-Американ» или «Боинга», даже механики британской «Империял эйруэйз», обслуживающие двигатели «Клипера» здесь, в Хайте. И похищать никого нет необходимости. Черт возьми, да ведь уйма технических подробностей напечатана в журналах!

Может быть, кто-то хочет похитить самолет? Такое даже трудно себе представить.

Самое вероятное объяснение – он, Эдди, должен поспособствовать доставке какой-нибудь контрабанды или некоего человека в Соединенные Штаты.

Вот, собственно, и все, что он может себе представить и предположить. Но что же ему делать?

Он – законопослушный гражданин, жертва преступления, и ему захотелось немедленно позвонить в полицию.

Но Эдди был напуган.

Никогда в жизни он еще не был так напуган. Мальчиком он боялся отца и дьявола, с тех пор вряд ли что-то могло его испугать. А сейчас он чувствовал беспомощность и страх. Его словно парализовало, он не мог сдвинуться с места.

Эдди вновь подумал о полиции.

Но он ведь в Богом проклятой Англии, и обращаться к этим разъезжающим на велосипедах «бобби» нет никакого смысла. Можно, однако, попытаться дозвониться окружному шерифу в Америке, или до полиции штата Мэн, или даже до ФБР; пусть поищут некий стоящий на отшибе дом, который недавно арендован...

«Не звони в полицию, это ничем хорошим не кончится, – сказал мужской голос в телефонной трубке. – Но если все-таки позвонишь, я твою жену трахну, чтобы с тобой рассчитаться».

У Эдди не было оснований ему не верить. В мерзком голосе незнакомца он явственно различил похотливые нотки, словно этот тип только и ждал предлога, чтобы изнасиловать его жену. С ее округлившимся животом и набухшими грудями, Кэрол явно настроила похитителя на развратные действия...

Эдди сжал кулак, но кого бить – стену? Со стоном отчаяния он, пошатываясь, вышел на улицу. Не глядя перед собой, пересек лужайку. Подошел к группе деревьев, прижался лбом к замишлой дубовой коре.

Эдди был простым парнем. Он родился на ферме в нескольких милях от Бангора. Отец был бедным фермером, владел несколькими акрами, засаженными картофелем, маленьким курятником, коровой да овощными грядками. Новая Англия – малоподходящее место для бедных: зимы тут очень долгие и морозные. Мать с отцом верили, что все в воле Божьей. Даже когда маленькая сестренка Эдди умерла от воспаления легких, отец сказал, что в этом есть Божий промысел, «для нас слишком глубокий и непостижимый». В те дни Эдди мечтал, что он найдет в лесу зарытый клад – окованный медью пиратский сундук, полный золота и драгоценных камней, как это бывает в сказках. В своих фантазиях он брал золотые монеты и отправлялся в Бангор, покупал широкие мягкие кровати, грузовик дров, красивый фарфор для матери, дубленые шубы для всех членов семьи, толстые бифштексы и коробку мороженого с ананасами. Жалкая ветхая ферма превращалась в теплый, уютный, счастливый дворец.

Сокровищ он так и не нашел, но окончил школу, до которой приходилось каждый день идти шесть миль. Но он любил школу, поскольку там было теплее, чем дома, а учительница миссис Мейпл любила его, потому что он отличался любознательностью и вечно спрашивал ее, как все вокруг устроено.

Через несколько лет именно миссис Мейпл обратилась к их конгрессмену с письменной просьбой, чтобы тот добился для Эдди разрешения держать вступительные экзамены в военно-морскую академию в Аннаполисе. Так и произошло.

Военно-морская академия казалась ему раем земным. Там были шерстяные одеяла, хорошая одежда и вдоволь еды – такая роскошь Эдди даже не снилась. Физически тяжелый режим был ему не в тягость, бред, который иногда приходилось выслушивать, не слишком, по сути, отличался от того, что он всегда слышал в церкви, а издевательства старших курсантов не стали большей бедой, чем отцовский ремень.

Именно в Аннаполисе Эдди впервые осознал, какое впечатление производит на других. Он отличался серьезностью, упрямством, отсутствием изворотливости и трудолюбием. Хоть Эдди и был довольно хлипкок на вид, ребята редко его задирали: что-то такое в глазах парня отпугивало их. В общем, его любили, потому что он был надежный товарищ, всегда сдерживал обещания, но никому не приходило в голову поплакаться, уткнувшись ему в плечо.

Похвалы за трудолюбие Эдди удивляли. И отец, и миссис Мейпл научили его, что добиться желаемого можно только трудом, другого пути он не знал. Но похвалы ему и нравились. Высшей похвалой в устах отца было словечко «водила», на жаргоне штата Мэн – деятельный человек.

Эдди окончил академию, получив первый офицерский чин, и был направлен на курсы пилотов летающих лодок. В академии по сравнению с домом было удобно, но на флоте, по его понятиям, просто роскошно. Он смог посылать деньги родителям – на ремонт крыши, на новую печку.

Эдди отслужил на флоте четыре года, когда умерла мать и вскоре следом за ней ушел из жизни отец. Несколько акров их земли поглотила соседняя ферма, но Эдди удалось за сущие гроши выкупить дом с лесным участком. Он покинул флот и нашел высокооплачиваемую работу в компании «Пан-Американ».

Между полетами он перестраивал старый дом, провел воду, электричество и установил водонагреватель – все сам, тратя деньги лишь на строительные материалы. Инженерской зарплаты на это вполне хватало. В спальнях он поставил электрообогреватели, завел в доме радио и даже телефон. После этого в его жизни появилась Кэрл-Энн. Пройдет немного времени, думал он, и в доме будет слышаться детский смех и все его мечты станут явью.

Вместо этого на него обрушился самый настоящий кошмар.

Глава четвертая

– Боже, вы – самое очаровательное создание из всех, что мне довелось видеть! – То были первые слова, с которыми Марк Элдер обратился к Диане Лавзи.

Впрочем, это ей говорили чуть ли не все. Хорошенькая, жизнерадостная, она элегантно одевалась и умела себя подать. В этот вечер на ней было длинное бирюзовое платье с небольшими отворотами, сборчатым лифом и короткими рукавами с оборками в локтях; она знала, что выглядит потрясающе.

Диана была на вечернем обеде в отеле «Мидленд» в Манчестере, но не знала, по какому поводу: то ли что-то затеяла Торговая палата, то ли устраивался Женский масонский бал, то ли проходил сбор средств на Красный Крест, потому что на этих мероприятиях присутствовали всегда одни и те же люди. Она танцевала едва ли не со всеми деловыми партнерами Мервина, ее мужа, которые прижимали Диану к себе заметно ближе, чем следовало, и наступали на носки ее туфель, а их жены смотрели на нее с нескрываемой ненавистью. Странно, думала Диана, что, когда мужчина с глуповатым видом начинает увиваться вокруг хорошенькой женщины, жены начинают ненавидеть именно эту женщину, а не своих супругов. Хотя у нее не было никаких видов в отношении их напыщенных, пропахших виски мужей.

Она шокировала всех и поставила в неловкое положение Мервина, пытаясь научить заместителя мэра танцевать джиттербаг. Теперь, желая передохнуть, Диана выскользнула в гостиничный бар, сказав, что ей надо купить сигареты.

Он сидел там в одиночестве, потягивая коньяк из маленькой рюмки, и посмотрел на нее, как на солнце, внезапно выглянувшее из-за туч. Это был невысокий, хорошо сложенный мужчина с мальчишеской улыбкой и очевидным американским акцентом. Его слова прозвучали искренне и непринужденно, во всем облике мужчины сквозили безукоризненные манеры, и она лучезарно ему улыбнулась, но ничего не сказала. Диана купила сигареты, выпила стакан воды и вернулась в танцевальный зал.

Должно быть, он выяснил у бармена, кто она такая, каким-то образом узнал ее адрес, потому что на следующий день Диана получила от него записку на бланке отеля «Мидленд».

Точнее, это была не записка, а стихотворение.

Начиналось оно так:

Твоя улыбка
В сердце моем сохранится,
Ни годы, ни боль, ни печали
Ее не сотрут...

Она разрыдалась.

Диана рыдала, потому что все, о чем она мечтала, так и не осуществилось. Она рыдала из-за того, что ей приходилось жить в мрачном индустриальном городе с мужем, не понимавшим, что время от времени надо устраивать себе отпуск. Потому что это стихотворение было единственным романтическим и радостным событием в ее жизни за последние пять лет. Потому что больше не любила Мервина.

После этого события развивались с удивительной скоростью.

На следующий день было воскресенье. В город она отправилась в понедельник. Обычно Диана первым делом заходила в аптеку Бутса и меняла книги в окружной библиотеке, затем покупала за два шиллинга шесть пенсов билет на дневной сеанс в кино с завтраком в кинотеатре «Парамаунт» на Оксфорд-стрит. После кино бродила по универсамам Льюиса и Финнигана, покупала ленты, салфетки или подарки племянникам. Могла заглянуть в магазины на

улице Шамблз, высматривая экзотические сыры или ветчину для Мервина. Потом садилась в поезд, доставлявший ее в Олтринчэм, пригород, где они жили, как раз к ужину.

В этот раз она выпила кофе в баре отеля «Мидленд», пообедала в немецком ресторане в подвале того же отеля, пила чай на веранде все того же отеля. Но не увидела приятнейшего мужчину с американским акцентом.

С щемящим сердцем вернулась домой. Смешно, говорила себе Диана. Она видела его меньше минуты, слова ему не сказала. Однако ей казалось, что он воплощает все, чего недоставало в ее жизни. Но если она снова встретит его, то несомненно обнаружит, что это грубый, нездоровый, вонючий мужлан, а может, и того хуже...

Диана сошла с поезда и двинулась, как всегда, по улице, застроенной большими пригородными виллами, в одной из которых она жила. Приближаясь к дому, Диана чуть в обморок не упала, увидев, что он идет ей навстречу, с видом праздного любопытства разглядывая ее дом.

Сердце Дианы застучало, лицо залил яркий румянец. Он же был явно удивлен. Остановился. Но она продолжала идти и, проходя мимо него, сказала:

– Жду вас завтра утром в Центральной библиотеке.

Диана не рассчитывала, что он ей ответит, но – как она выяснила позже – у него были острая реакция и хорошее чувство юмора. Он немедленно спросил:

– В каком отделе?

Это была крупная библиотека, но все же не настолько большая, чтобы два человека могли в ней не найти друг друга; Диана, слегка растерявшись, назвала тот отдел, что первым пришел в голову:

– Биологии.

Он засмеялся.

Она вошла в дом с этим смехом в ушах, теплым, раскованным, радостным. Это был смех мужчины, влюбленного в жизнь и получавшего от нее удовольствие.

Дом оказался пуст. Миссис Роллинс, выполнявшая домашнюю работу, уже ушла, Мервин еще не вернулся. Диана сидела в современной, сияющей чистотой кухне, и в ее голове бродили старые, как мир, не слишком невинные помыслы, и, конечно, о смешливом американском стихотворце.

На следующее утро она увидела его за столиком под надписью «ТИШИНА». Когда Диана поздоровалась, он поднес палец к губам, дал ей знак присесть рядом и написал записку.

Она прочитала: *Мне нравится ваша шляпка.*

На ней была маленькая шляпка в форме перевернутого цветочного горшка с лентой, и Диана носила ее слегка набок, почти закрывая левый глаз: так было модно, хотя не многим манчестерским дамам хватало на это смелости.

Она достала из сумочки авторучку и написала под его строчкой свою: *Вам она не будет к лицу.*

Но моя герань смотрелась бы в ней лучше некуда, – написал он.

Она рассмеялась и услышала в ответ: «Ш-ш-ш!»

Интересно, он сумасшедший или просто очень забавный? – подумала она и написала: *Мне понравились ваши стихи.*

На что он ответил: *Я вас люблю.*

Сумасшедший, подумала она, но почувствовала, что у нее мокрые от слез глаза.

Я даже не знаю, как вас зовут, – написала Диана.

Он протянул ей свою визитку. Марк Элдер, Лос-Анджелес.

Калифорния!

Они устроили себе ранний обед в ресторане ОЯМ – Овощи, Яйца, Молоко, – Диана была уверена, что не наткнется тут на мужа: в вегетарианский ресторан он мог прийти только под страхом смерти. Потом, поскольку то был вторник, они пошли на дневной концерт в «Гул-

дворт-холл» на улице Динсгейт: играл знаменитый в городе оркестр, которым дирижировал его новый руководитель Малколм Сарджент. Диана была горда тем, что ее город мог оказать приезжим такой культурный прием.

За этот день она выяснила, что Марк пишет сценарии для радиоспектаклей, главным образом комедии. Диана никогда не слышала об актерах, для которых он пишет, но Марк сказал, что это знаменитости – Джек Бенни, Фред Аллен, Эмос и Энди. И еще у него своя радиостанция. А также он носит кашемировый блейзер. У него затянулся отпуск, Марк здесь в поисках своих корней, его семья родом из Ливерпуля, портового города в нескольких милях от Манчестера. Он невысок, почти одного с ней роста, да и возраста тоже, у него карие глаза и веснушчатое лицо.

Вообще от него исходят одни положительные эмоции.

Умен, весел, остроумен. Приятные манеры, ногти ухоженные, костюмы отутюженные. Любит Моцарта, но неравнодушен и к Луи Армстронгу. Но сильнее всего обожает ее, Диану.

Забавная вещь, думала она, как мало мужчин действительно любят женщин. Те, которых она знала, заискивали, норовили ущипнуть, за спиной Мервина назначить свидание, а иногда, слезливые от хмеля, объяснялись в любви; но на самом деле они вовсе Диану не любили, несли какую-то чушь, ее вообще не слушали и ничего о ней не знали. Марк оказался совсем другой, она выяснила это в ближайшие дни и недели.

На другой день после встречи в библиотеке он арендовал машину, и они прокатились до берега моря, где на продуваемом ветрами пляже перекусили сандвичами и целовались, укрывшись за дюнами.

Марк снимал номер в отеле «Мидленд», но встречаться там было немыслимо, потому что Диану хорошо знали в городе: если бы увидели, что она после ленча заходит к кому-то в гостиничные апартаменты, весть об этом разлетелась бы повсюду еще до ближайшего чаепития. Но изобретательный Марк нашел решение. Они стали ездить в приморский городок Литхэм Сент-Эннс, прихватывая с собой чемодан, и останавливались в гостинице как мистер и миссис Элдер. Завтракали, а потом ложились в постель.

Занятия любовью с Марком приносили такую радость!

В первый раз он устроил нечто вроде пантомимы, раздеваясь в полной тишине, и Диана так развеселилась, что не успела почувствовать какую-либо неловкость, раздеваясь сама. Ее не беспокоило, нравится ли она ему: его глаза все время светились обожанием. Диана вообще ни о чем не переживала, потому что находиться рядом с ним было приятно.

Они чуть ли не целый день провели в постели, а затем выписались, сказав, что у них изменились планы. Марк заплатил за целые сутки – поэтому администратор не проявил никакого недовольства, – довез ее на машине на станцию в одной остановке от Элтринчэма, и она доехала на поезде до своего городка, как если бы провела день в Манчестере.

Так продолжалось все это благословенное лето.

Марк должен был вернуться в Штаты в начале августа, потому что его ждала работа над новым спектаклем, но он остался, написал несколько пьесок об американце, проводящем отпуск в Англии, и посылал их еженедельно через новую почтовую службу компании «Пан-Американ».

Несмотря на ясное понимание того, что их время истекает, Диана старалась не думать о будущем. Конечно, Марк однажды уедет домой, но ведь завтра он еще будет здесь, с ней, а заглядывать дальше она не решалась. Это как война: все знали, что она будет ужасной, но никто не мог сказать, когда бойня начнется, и потому оставалось жить по-прежнему и стараться получать от бытия как можно больше удовольствия.

На следующий день после начала войны он сказал ей, что уезжает.

Диана сидела в постели, натянув простыню, но оставляя грудь открытой: Марку это очень нравилось. От ее груди он просто сходил с ума, хотя самой Диане она казалась чересчур пышной.

Разговор был серьезный. Англия объявила войну Германии, и даже счастливые любовники не могли избежать этой темы. Диана весь год следила за грязной агрессией японцев в Китае, и мысль о войне в Европе вселяла в нее ужас. Подобно фашистам в Испании, японцы безжалостно сбрасывали бомбы на женщин и детей, и приходили кошмарные вести о многочисленных жертвах в Чунцине и Ичане.

Она задала Марку вопрос, который был у всех на устах:

– Что же нас ждет?

На этот раз у него не нашлось ответа, который бы ее утешил.

– Я думаю, что война будет ужасная, – сказал он мрачно. – От Европы останутся одни развалины. Может быть, Англия и уцелеет: остров все-таки. Я лишь на это и надеюсь.

– Ох! – только и смогла вымолвить Диана. Она почувствовала страх. Англичане так не говорили. Газеты были полны рассуждений о войне, но не слишком мрачных, да и Мервин смотрел на ее исход довольно оптимистично. Но Марк – иностранец, посторонний, и его суждения, высказанные таким уверенным американским голосом, казались куда ближе к истине, и это пугало. Неужели будут бомбить и Манчестер?

Она вспомнила слова, как-то брошенные Мервином, и повторила их:

– Америке рано или поздно придется вступить в войну.

Ответ Марка ее шокировал:

– Господи Иисусе! Надеюсь, что нет. Это – европейская грызня, и она не имеет к нам никакого отношения. Я почти понимаю, почему Британия объявила войну Германии, но убей меня Бог, если я знаю, почему американцы должны умирать, защищая гребаную Польшу.

При ней он никогда не позволял себе сквернословия. Иногда Марк шептал ей на ухо непристойности во время соития, и это возбуждало, но теперь это прозвучало совсем иначе. В его словах слышался гнев. Быть может, он немного напуган, подумала Диана. Она знала, что мысль о войне пугала Мервина, но находила выход в отчаянном оптимизме. Страх Марка вылился в ругательства и чисто американский изоляционизм, желание держаться подальше от дразг старой Европы.

Это ее огорчило, хотя она могла понять его логику: с какой стати американцы должны сражаться за Польшу или даже за Европу?

– А как же я? – спросила она. Ей хотелось сказать что-нибудь легкомысленное и этим снять напряжение. – Тебе же не понравится, если меня изнасилует белокурый нацист в надраенных сапогах? – Вышло совсем не смешно, и она сразу же пожалела о сказанном.

Именно в этот момент он достал из саквояжа конверт и протянул ей.

Она извлекла из него билет.

– Ты уезжаешь! – Из глаз ее хлынули слезы. Это был конец.

– Ты не посмотрела как следует. Там два билета, – сказал он тихим, серьезным голосом. Ей казалось, что ее сердце сейчас остановится.

– Два билета, – повторила она бессмысленно. Диана плохо понимала, о чем он толкует.

Марк сел рядом с ней и взял ее за руку. Она уже почувствовала, что он сейчас скажет, и была одновременно в возбуждении и в ужасе.

– Поедем вместе, Диана, – сказал он. – Ты полетишь со мной в Нью-Йорк. Оттуда мы отправимся в Рино, и ты получишь развод. Затем – в Калифорнию и там поженимся. Я люблю тебя.

Полететь на самолете. Неужели она полетит над Атлантическим океаном? Такое могло только присниться.

В Нью-Йорк. Это сон про небоскребы и ночные клубы, про гангстеров и миллионеров, про модных и богатых женщин и большие автомобили.

Развестись. Стать свободной от Мервина!

Потом поедет в Калифорнию. Туда, где снимается кино, где на деревьях растут апельсины и каждый день светит солнце.

Поженемся. И Марк все время будет рядом, каждый день, каждую ночь.

Она потеряла дар речи.

– Мы могли бы завести детей, – сказал Марк.

Она готова была разрыдаться.

– Попроси меня еще раз, – прошептала она.

– Я люблю тебя, ты выйдешь за меня замуж и родишь мне детей?

– О Боже, да, – произнесла Диана, и ей казалось, что она уже летит над Атлантикой. – Да, да, да!

Сегодня вечером ей придется все сказать Мервину.

Сегодня понедельник. Во вторник она поедет с Марком в Саутхемптон. «Клипер» вылетает в среду в два часа дня.

Она точно по воздуху прилетела вечером в понедельник домой, но, войдя в дом, почувствовала, что вся ее решимость куда-то испарилась.

Каким образом она это ему скажет?

Дом был прекрасный, большая новая вилла под красной черепичной крышей. Четыре спальни, тремя из них почти не пользовались. Замечательная ванная и кухня с самым современным оборудованием. Теперь, решившись уехать, она смотрела на все ностальгически: в течение пяти лет это был ее дом.

Она сама готовила Мервину еду. Миссис Роллинс убирала в доме и стирала, и если бы Диана не готовила, то ей уж совсем нечего было бы делать. Кроме всего прочего, Мервин в душе оставался простым рабочим парнем и любил, чтобы жена подавала на стол, когда он возвращался домой. Вечернюю еду он называл «чаем» и, конечно, пил чай, хотя она всегда готовила что-нибудь существенное – сосиски, бифштекс или мясной пирог. «Обед» в понимании Мервина подают в отелях. Дома пьют чай.

Как она ему все скажет?

Сегодня у них холодное мясо – ростбиф, оставшийся с воскресенья. Диана нацепила фартук и начала чистить картофель. Когда она представила себе взбешенного Мервина, у нее затряслись руки и она порезала палец картофелечисткой.

Держа палец под струей холодной воды, она попыталась взять себя в руки, вытерла ранку насухо и завязала ее бинтом. «Чего я боюсь? – спросила Диана себя. – Он меня не убьет. Он не сможет меня остановить: я взрослый человек, и мы живем в свободной стране».

Но от этой мысли легче не стало.

Она накрыла на стол и вымыла салат. Хотя Мервин работал очень много, домой он почти всегда приходил в одно и то же время. Он говорил: «Какой толк быть боссом, если я должен прекращать работу, когда все расходится по домам?» Он инженер, у него фабрика по производству вращающихся лопастей – от мелких вентиляторов для систем охлаждения до громадных винтов океанских лайнеров. Мервин отлично преуспевал – он был хорошим бизнесменом, – но выиграл главный приз, начав производство пропеллеров для самолетов. Полеты – его хобби, у него есть маленький самолет «Тайгермот», который стоит на аэродроме неподалеку от города. Когда правительство два-три года назад приступило к строительству военно-воздушных сил, было очень мало людей, способных производить искривленные пропеллеры с математической точностью, и Мервин оказался одним из этих немногих. С тех пор его бизнес растет как на дрожжах.

Диана была его второй женой. Первая сбежала от него с другим мужчиной семь лет назад, прихватив с собой двоих детей. Мервин постарался побыстрее оформить с ней развод и сразу же сделал предложение Диане. Ей было тогда двадцать восемь, а ему тридцать восемь. Он был привлекателен, мужественен и состоятелен и просто боготворил ее. На свадьбу он преподнес ей бриллиантовое ожерелье.

Несколько недель назад, на пятилетие свадьбы, Мервин подарил ей швейную машинку.

Оглядываясь назад, она поняла, что швейная машина была последней соломинкой. Она хотела получить собственный автомобиль: водить она умела, и Мервин вполне мог себе такое позволить. Увидев швейную машину, она поняла, что их брачным узам наступает конец. Они прожили вместе пять лет, а он так и не заметил, что шить Диана не умеет.

Она знала, что Мервин ее любит, но как бы *в упор не видит*. Просто в его представлении есть человек, именуемый «женой». Она хорошенькая, славно выполняет светские обязанности, подает ему еду на стол, всегда готова к ласкам в постели: чего еще можно требовать от жены? Он никогда ни о чем с ней не советовался. Поскольку она не инженер и не бизнесмен, ему даже в голову не приходило, что у нее могут быть мозги. С мужчинами на фабрике он вел интеллектуальные разговоры, но не с женой. В его мире мужчины хотели иметь автомобили, а женщины – швейные машины.

Но при всем том это был умный человек. Сын токаря, он окончил среднюю школу и физический факультет Манчестерского университета. У него имелась возможность продолжить образование в Кембридже и получить там степень, но академические занятия были ему не по душе, и он предпочел место в отделе проектирования крупной инженерной фирмы. Мервин следил за новейшими достижениями физики и без конца говорил с отцом – и никогда, разумеется, с Дианой – об атомах, радиации и ядерной реакции.

Но, так или иначе, в физике Диана все равно ничего не понимала. Зато хорошо знала музыку и литературу и немножко историю, но Мервина культура мало интересовала, хотя он любил кино и танцевальную музыку.

Все могло бы сложиться по-иному, будь у них дети. Но Мервин уже имел двоих детей от первой жены и больше заводить не хотел. Диана была готова постараться их полюбить, но ей даже не дали возможности попробовать: мать настроила их против Дианы, выдумав, будто именно Диана явилась причиной ее развода с Мервином. Дианина сестра в Ливерпуле растила двойняшек с острым умишком и косичками, и Диана изливала на них все свои нерастратенные материнские чувства.

Вот по двойняшкам она будет скучать.

Мервин любил активную светскую жизнь в обществе ведущих местных промышленников и политиков, и какое-то время Диане доставляло удовольствие принимать гостей. Она любила и умела хорошо одеваться. Но ведь в жизни должно быть что-то еще.

Одно время она была этаким нонконформистом манчестерского общества – покуривала сигары, экстравагантно одевалась, рассуждала о свободной любви и даже коммунизме. Ей нравилось шокировать светских матрон, но Манчестер не отличался особой консервативностью, Мервин и его друзья являлись либералами, и ее поведение если и осуждали, то не слишком сильно.

Диана чувствовала неудовлетворенность жизнью, но не была уверена, имеет ли она на это право. Большинство женщин думали, что она счастлива: непьющий, надежный, щедрый муж, приятный дом, куча друзей. Она и сама убеждала себя, что счастлива. Но была несчастна – и тут появился Марк.

Она услышала, как к дому подъехала машина Мервина. Это был такой знакомый звук, но сегодня он показался зловещим, как вой опасного хищника.

Дрожащей рукой она поставила на плиту сковородку.

Мервин вошел в кухню.

Он был на редкость красив. В темных волосах появилась проседь, но она придавала ему какую-то изысканность. Он был высок ростом и строен – в отличие от большинства его коллег. Тщеславие не было свойством его натуры, но Диана приучила его к хорошо сшитым костюмам, дорогим белым рубашкам, потому что хотела, чтобы его внешность говорила о том, что ему во всем сопутствует успех.

Она пришла в ужас при мысли, что он увидит виноватое выражение на ее лице и потребует объяснений.

Он поцеловал ее в губы. Стыдясь, она ответила ему поцелуем. Иногда при встрече он прижимал ее к себе, крепко ухватив за ягодицы, и бывало так, что они, почувствовав прилив страсти, спешили в спальню, оставляя еду подгорать на сковородке, но в последнее время такое случалось все реже, и сегодня, слава Богу, тоже не произошло. Он еще раз рассеянно поцеловал ее и отвернулся.

Мервин снял пиджак, жилетку, развязал галстук и расстегнул воротник, закатал рукава рубашки и ополоснул лицо и руки над кухонной раковиной. У него были широкие плечи и крепкие руки.

Мервин не почувствовал ничего необычного. Но ведь он и не смотрел на нее, просто она была здесь, как, например, кухонный стол. Ей нечего было волноваться. Он ничего и не почувствует, пока Диана ему не скажет...

«Сейчас ничего говорить не буду», – решила она.

Пока жарилась картошка, она намазала маслом хлеб и заварила чай. Ее слегка трясло, и она всеми силами старалась унять дрожь. Мервин читал «Манчестер ивнинг ньюс», не поднимая глаз от газеты.

– У меня на работе один тип ставит мне палки в колеса, – сказал Мервин, когда она поставила перед ним тарелку.

«Вот уж это меня вовсе не касается, – подумала Диана, чувствовавшая себя на грани истерики. – Теперь не касается», – мысленно уточнила она.

Зачем тогда она заваривает ему чай?

– Он из Лондона, район Бэттерси. Мне кажется, что он – коммунист. Требуется повысить ему зарплату за работу на новом расточном станке. Это не лишено оснований, говоря по правде, но я установил расценки по старой тарифной сетке, и ему придется с этим смириться.

– Я должна тебе кое-что сказать, – сжав нервы в комок, выдавила Диана. И тут же ей захотелось, чтобы эти слова так и остались не произнесенными, но было уже поздно.

– Что такое с твоим пальцем? – спросил он, заметив повязку.

Этот простой вопрос выбил ее из колеи.

– Ничего страшного, – сказала Диана, тяжело опустившись на стул. – Порезала, когда чистила картошку. – Она взяла вилку и нож.

Мервин ел с аппетитом.

– Мне следует с большей осторожностью подбирать людей, которых я принимаю на работу, но беда в том, что хороших инструментальщиков сегодня нелегко найти.

Когда он говорил о своей фирме, не предполагалось, что Диана должна что-то отвечать. Если она вылезала с тем или иным предложением, он раздражался, точно Диана его перебила. Ей надлежало слушать.

Пока он говорил о новом расточном станке и о коммунисте из Бэттерси, она вспомнила день их свадьбы. Тогда была еще жива ее мать. Они поженились в Манчестере, прием был устроен в отеле «Мидленд». Мервин в домашнем халате казался ей самым красивым мужчиной в Англии. Диана думала, что так будет всегда. Мысль о том, что их брак может оказаться недолговечным, даже не приходила ей в голову. До Мервина она не сталкивалась с разведенными мужчинами. Вспоминая, что она тогда чувствовала, Диана готова была разрыдаться.

Она понимала, что Мервин будет потрясен ее уходом. Он представления не имел о том, чем заняты ее мысли. Тот факт, что подобным же образом от него ушла первая жена, только усугубляет ситуацию. Он просто будет потрясен. Но прежде всего – взбешен.

Он покончил с мясом и налил себе чаю.

– Ты почти ничего не ела, – заметил он. Диана действительно даже не притронулась к тарелке.

– Я хорошо перекусила в городе, – сказала она.

– Где ты была?

Этот невинный вопрос поверг ее в панику. Она перекусила бутербродами в постели вместе с Марком, в номере отеля в Блэкпуле, и спасительная ложь не шла в голову. Названия главных ресторанов Манчестера были на кончике языка, но не исключено, что Мервин побывал на ленче в одном из них. После мучительной паузы она сказала:

– В кафе «Уолдорф».

В городе имелось несколько кафе с таким названием – это была сеть недорогих ресторанчиков, где за шиллинг и девять пенсов давали бифштекс с картофельными чипсами.

Мервин не спросил, в каком именно.

Она собрала тарелки и встала. У нее была такая слабость в коленках, что Диана боялась упасть, но кое-как добралась до раковины.

– Хочешь чего-нибудь сладкого? – спросила она.

– Да, с удовольствием.

Она подошла к буфету, достала банку консервированных груш и стуженное молоко.

Диана смотрела, как он ест груши, и ее охватывал все больший ужас перед тем, что она замыслила. Это казалось неоправданно разрушительным. Как грядущая война, задуманный ею шаг уничтожит все. Жизнь, которую они вместе с Мервином сложили в этом доме, безвозвратно рухнет.

Вдруг она поняла, что не в состоянии разрушить созданного.

Мервин отложил ложку и посмотрел на карманные часы.

– Половина восьмого – давай послушаем новости.

– Я не могу, – сказала Диана вслух.

– Что?

– Я не могу этого сделать, – снова сказала она. Диана все отменит. Она прямо сейчас пойдет к Марку и скажет, что переменила решение и не сбежит с ним.

– Почему ты не можешь послушать радио? – недоуменно спросил Мервин.

Диана посмотрела на мужа. Ее подмывало сказать ему всю правду, но у нее не хватило решимости.

– Мне нужно выйти, – сказала она. Диана судорожно подыскивала объяснение. – Дорис Уильямс попала в больницу, и мне нужно ее навестить.

– Кто это еще такая – Дорис Уильямс?

Такой особы не существовало.

– Тебя с ней познакомили, – импровизировала она на ходу. – Ей пришлось лечь на операцию.

– Не помню, – сказал Мервин без тени подозрений: на случайные знакомства у него была плохая память.

– Хочешь пойти со мной? – вдохновенно предложила Диана.

– Ради Бога, нет! – ответил он именно так, как она и рассчитывала.

– Я съезжу сама.

– Ты слишком не гони, в городе затемнение. – Он встал и направился в гостиную, где стоял приемник.

Некоторое время Диана смотрела ему вслед. Мервин никогда не узнает, как близка она была к решению уйти от него, подумала Диана печально.

Она надела шляпку и вышла, перекинув пальто через руку. Машина, слава Богу, завелась сразу. Диана развернулась и поехала в сторону города.

Поездка была сплошным кошмаром. Она отчаянно спешила, но пришлось двигаться ползком, потому что фары закрывала светомаскировка и видимость была всего несколько ярдов, да еще из-за слез все впереди расплывалось как в тумане. Если бы не знакомая до мельчайших подробностей дорога, она наверняка бы разбила машину.

До города было всего миль десять, но добиралась она больше часа.

Остановившись наконец у отеля «Мидленд», она почувствовала, что выбилась из сил. Некоторое время она сидела в машине, стараясь унять слезы. Достала сумочку и напудрила лицо.

Марк, конечно, будет ошеломлен, но Диана не могла поступить иначе. Пройдет не так уж много времени, и она будет вспоминать обо всем этом, как о мимолетном романе. Будет не так жестоко сразу положить конец короткой страстной связи, нежели разрушить пятилетний брак. И она, и Марк всегда будут нежно вспоминать лето 1939 года...

Она снова расплакалась.

Больше сидеть и думать не было никакого смысла, решила она. Надо выйти из машины и со всем этим покончить. Она снова напудрилась и открыла дверцу.

Она вошла в холл и направилась к лестнице, не остановившись у конторки администратора. Она знала, в каком номере живет Марк. Это, конечно, скандальная ситуация – женщина одна поднимается в номер неженатого мужчины, но она решила, что сейчас ей не до правил приличия. Можно было встретиться с Марком в холле или в баре, но сказать ему то, что она решила, на публике казалось еще более невыносимым. Она шла, не оглядываясь и не глядя по сторонам, и не знала, увидел ли ее кто-нибудь из знакомых.

Она постучала в дверь. Она молила Бога, чтобы Марк оказался на месте. А что, если он в ресторане или в кинозале? Ответа она не придумала и постучала снова, громче. Неужели он мог в такое время отправиться в кино?

За дверью послышался его голос:

– Кто там?

Она снова постучала и сказала:

– Это я!

Она услышала быстрые шаги. Дверь отворилась, перед ней стоял Марк. Он искренне удивился и расплылся в улыбке, впуская ее внутрь, прикрыл дверь и обнял ее.

Теперь она почувствовала себя предательницей по отношению к Марку, как раньше по отношению к Мервину. Она виновато поцеловала его, и знакомая теплота желания растеклась по телу. Она отстранилась от него и сказала:

– Я не в силах уехать с тобой.

Он побледнел:

– Не говори так.

Она огляделась вокруг. Он складывал вещи. Дверцы гардероба и комода открыты, чемоданы на полу, повсюду сложенные рубашки, аккуратные стопки нижнего белья, обувь в пакетах. Он такой аккуратный.

– Я не могу, – сказала она.

Марк взял ее за руку и повел в спальню. Они сели на край постели. Он выглядел расстроенным.

– Не говори так, – вновь тихо попросил Марк.

– Мервин любит меня, мы прожили с ним пять лет. Я не могу так с ним поступить.

– А как же я?

Она подняла на него глаза. На нем был серовато-розовый свитер и галстук-бабочка, синие фланелевые брюки и мягкие туфли из испанской кожи. Он выглядел на редкость элегантно.

– Вы оба любите меня, но он мой муж, – сказала она.

– Мы оба, да, любим, но я от тебя без ума.

– А он – нет?

– Мне кажется, что он тебя совсем не знает. Послушай, мне тридцать пять лет, у меня были увлечения, один роман длился целых шесть лет. Я никогда не был женат, хотя и бывал в шаге от этого. И я знаю: то, что случилось с нами, правильно. Я такого никогда не чувствовал. Ты красива, забавна, неординарна, умна, и занятия любовью доставляют тебе радость. Я привлекателен, у меня веселый нрав, я довольно умен, неординарен и хочу лечь с тобой в постель прямо сейчас.

– Нет, – сказала она, но хотела сказать другое.

Он мягко привлек ее к себе и поцеловал.

– Мы идеально подходим друг другу, – прошептал он. – Помнишь, как мы писали записки под табличкой «Соблюдайте тишину»? Ты сразу все поняла, тебе не потребовались объяснения. Другие женщины сочли бы меня сумасшедшим, но я тебе понравился таким.

Верно, подумала Диана; когда она вела себя странно, например, закуривала трубку или выходила на улицу, не надев трусиков, или посещала фашистские митинги, крича наподобие пожарной тревоги, Мервин раздражался, а вот Марк довольно посмеивался.

Он провел рукой по ее волосам, погладил по щеке. Постепенно паника, владевшая ею, начала куда-то отлетать, она успокоилась. Диана положила голову на плечо Марка, ее губы коснулись нежной кожи его шеи. Она почувствовала, как движутся кончики его пальцев по ее бедру, забираются под юбку, гладят ноги изнутри, в том месте, где кончаются чулки. Сегодня этого не должно случиться, мелькнула слабая мысль.

Он нежно положил ее на спину, шляпка упала на пол.

– Это неправильно, – пролепетала она.

Он поцеловал ее в губы, лаская их своими губами. Она почувствовала его пальцы через тонкий шелк трусиков, и по телу Дианы пробежала сладостная дрожь. Еще мгновение, и мужские пальцы проникли в нее.

Марк знал, чего она хочет.

Однажды в начале лета, когда они, обнаженные, лежали в спальне гостиничного номера, прислушиваясь к шуму волн за открытыми окнами, он вдруг спросил:

– Покажи мне, как ты касаешься себя сама.

Ей стало стыдно, и она сделала вид, что не поняла его:

– Что ты имеешь в виду?

– Ты знаешь. Как ты ласкаешь себя? Покажи мне. И я буду знать, что ты особенно любишь.

– Я этого не делаю, – солгала она.

– Ну, девушкой... еще до замужества, тогда уж наверняка делала, ведь это делают все. Покажи.

Она хотела отказаться, но тут же поняла: то, что он предлагает, будет ужасно волнующе.

– Ты хочешь, чтобы я сама завела себя... там... а ты будешь смотреть? – спросила она, и голос ее дрожал от желания.

Он улыбнулся и упрямо кивнул.

– Ты хочешь, чтоб до конца?

– До конца.

– Ой, не могу, – сказала она, но сделала, как просил Марк.

Сейчас кончики его пальцев уверенно коснулись тех самых мест, тем же знакомым движением, с тем же нажимом, и она, закрыв глаза, целиком отдалась пронзившим ее ощущениям.

Вскоре она тихо застонала и начала ритмично покачивать бедрами. Она почувствовала на своем лице его горячее дыхание, и он приник к ней еще ближе. И в тот момент, когда она уже теряла над собой контроль, он настоятельно потребовал:

– Посмотри на меня.

Она открыла глаза. Он продолжал ее ласкать, как и прежде, но только немножко быстрее.

– Не закрывай глаз, – сказал Марк.

Смотреть в его глаза в такие моменты – в этом было что-то невыразимо интимное, своего рода сверхнагота. Словно он видел все и знал про нее все, и она почувствовала неведомую прежде свободу, потому что больше нечего было прятать. И тут она достигла пика, но заставила себя не отрывать от него глаз, ее бедра дрожали, рот судорожно ловил воздух в спазмах удовольствия, сотрясавших все ее тело. Он улыбался, глядя на нее, и сказал:

– Я люблю тебя, Диана. Я так тебя люблю!..

Когда все кончилось, она обхватила его обеими руками, тяжело дыша и дрожа от охвативших ее чувств, не желая, чтобы это кончалось. Диане хотелось залиться счастливыми слезами, но она их все уже выплакала.

Она так ничего и не сказала Мервину.

Изобретательный ум Марка нашел решение, она отрепетировала его, пока ехала домой, спокойная, собранная, полная решимости.

Мервин был в пижаме, накинув поверх халат, он курил сигарету и слушал льющуюся из приемника музыку.

– Долго же ты ее навещала, – сказал он мягко.

Диана уже почти не нервничала.

– Пришлось ехать очень медленно. – Она глубоко вздохнула и сказала: – Я завтра уезжаю.

Он слегка удивился:

– Куда?

– Я собираюсь навестить сестру, повидать близняшек. Хочу убедиться, что у них все в порядке, потому что неизвестно, когда еще у меня будет такая возможность: поезда стали ходить нерегулярно, а со следующей недели вводится рacionamento бензина.

– Да, ты права. – Он согласно кивнул. – Поезжай, пока есть возможность.

– Тогда пойду паковать.

– Собери и мои вещички, пожалуйста.

Мелькнула ужасная мысль, что он решил поехать с ней вместе.

– Зачем? – спросила она, затаив дыхание.

– Не люблю оставаться в пустом доме. Я завтра перееду в клуб «Реформа». Ты вернешься в среду?

– Да, в среду, – солгала она.

– Хорошо.

Она поднялась наверх. Собирая в небольшой чемодан его белье и носки, она подумала, что делает это для Мервина в последний раз. Она уложила белую рубашку и выбрала к ней серебристо-серый галстук – сдержанные тона шли к его темным волосам и карим глазам. Она чувствовала облегчение оттого, что он принял ее объяснение, но одновременно нечто близкое к отчаянию, словно не успела сделать что-то исключительно важное. Она поняла, что, несмотря на боязнь разговора с ним, хочет ему объяснить, почему от него уходит. Ей нужно было высказать Мервину, что он ее принизил, стал невнимательным и бездушным, не лелеял ее так, как когда-то прежде. Но теперь она уже этого сделать не сможет и оттого испытывала разочарование.

Она закрыла его чемодан и начала складывать в свою сумку туалетные принадлежности и косметику. Станный способ завершать пятилетнее замужество – пакуя чулки, кремы и зубную пасту.

Вскоре в спальню поднялся Мервин. Она закончила сборы и, оставшись в своей самой непривлекательной ночной рубашке, села к туалетному столику с зеркалом и начала снимать косметику. Он подошел сзади и сжал ладонями ее грудь.

Нет, подумала она, не сегодня, пожалуйста!

И, хотя Диана пришла в ужас, тело ее откликнулось незамедлительно, и она, точно провинившись, залилась краской. Пальцы Мервина начали теревить ее набухшие соски, она учащенно задыхалась от удовольствия и отчаяния. Он взял ее за руки и приподнял со стула. Она, безвольно подчиняясь, пошла за ним к постели. Он выключил свет, они легли в полной темноте. Мервин тут же оказался сверху и начал с яростной силой отчаяния снова и снова входить в нее, словно знал, что она уходит, а он не может этому помешать. Тело ее вело себя по-предательски, она изнывала от наслаждения. Мелькнула стыдливая мысль о том, что в течение двух часов она достигла пика страсти с двумя мужчинами, но предотвратить это оказалась не в силах.

Когда все кончилось, из глаз ее хлынули слезы.

К счастью, Мервин ничего не заметил.

Сидя в элегантном холле отеля «Саут-вестерн» утром в среду, ожидая такси, которое доставит их с Марком к сто восьмому причалу саутхемптонского дока, где им предстоит подняться на борт «Клипера», Диана чувствовала себя победительницей, добившейся долгожданной свободы.

Все в холле смотрели на нее или старательно делали вид, что на нее не смотрят. Особенно пристально разглядывал ее красивый мужчина в синем костюме младше ее лет на десять. Но она была к этому привычна. Так всегда случалось, когда она хорошо выглядела, а сегодня она выглядела просто потрясающе. Ее летнее шелковое платье, кремовое в красный горошек, было Диане удивительно к лицу. К этому платью отлично подходили кремовые туфли, а соломенная шляпка достойно завершала картину. Помада и лак на ногтях оранжево-красного цвета соответствовали горошку платья. Она хотела надеть красные туфли, но в конце концов решила, что это будет чересчур вульгарно.

Она любила путешествовать: паковать и распаковывать чемоданы, встречать новых людей, любила, когда ее баловали, угощали шампанским и изысканной едой, любила смотреть новые места. Она нервничала из-за предстоящего полета, но перелет через Атлантику был самым заманчивым из всех, потому что на другом конце лежала Америка. Она просто не могла дождаться, когда ступит на американскую землю. У нее было о ней представление типичного кинозрителя: она видела себя в апартаментах стиля арт-деко, сплошные окна во всю стену и зеркала, горничная в униформе, подающая ей белое меховое пальто, длинный черный лимузин, поджидающий у подъезда с включенным двигателем, цветной шофер, открывающий дверцу, чтобы доставить ее в ночной клуб, где она закажет самый сухой martini и будет танцевать под джаз-оркестр и песню, которую исполнит не кто иной, как Бинг Кросби². Она, конечно, понимала, что это фантазия, но ей не терпелось узнать, как все выглядит на самом деле.

У нее было довольно неопределенное чувство в связи с отъездом из Англии в тот момент, когда началась война. Похоже на трусливое бегство, но уж так это заманчиво.

Она знала немало евреев. В Манчестере была довольно большая еврейская община, манчестерские евреи посадили в Назарете тысячу деревьев. Еврейские друзья Дианы наблюдали за развитием событий в Европе со страхом и ужасом. И ведь речь шла не только о евреях: фаши-

---

² Знаменитый американский певец и киноактер. – Примеч. ред.

сты равно ненавидели цветных, цыган, гомосексуалистов, всех, кто не был с ними согласен. У Дианы дядя являлся гомосексуалистом, человеком удивительной доброты, относившимся к ней как к дочери.

Она была уже не настолько молода, чтобы служить в армии, но, вероятно, ей следовало остаться в Манчестере, участвовать в добровольческих акциях, крутить бинты для Красного Креста...

Это тоже, конечно, ее фантазия, не менее неправдоподобная, чем танцы под пение Бинга Кросби. Она была не из тех, кто крутит бинты. Форма и дисциплина не для нее.

Но все это не имело слишком большого значения. Важно было одно: она влюблена. За Марком она поедет куда угодно. Если нужно, то и на поле боя. Они пожениятся и заведут детей. Он возвращается домой, и она едет вместе с ним.

Она будет скучать по близняшкам-племянницам. Интересно, когда ей доведется их снова увидеть? Они тогда станут уже совсем взрослыми, от них запахнет духами, у племянниц будут лифчики, а не гольфы и косички.

Но у нее могут появиться свои дочки...

От предстоящего полета на «Клипере» компании «Пан-Американ» захватывало дух. Диана читала про этот самолет в «Манчестер гардиан», и ей даже не приходило в голову, что в один прекрасный день она сама на нем полетит. Оказаться в Нью-Йорке меньше чем через сутки – это просто чудо.

Она оставила Мервину записку. В ней не было того, что она хотела сказать: не объяснялось, как он медленно и неуклонно терял ее любовь из-за своего невнимания и безразличия, ничего не говорилось о Марке.

«Дорогой Мервин, – написала она, – я от тебя ухожу. Я увидела, что ты стал ко мне холоден, и влюбилась в другого человека. Когда ты будешь читать эту записку, мы уже будем в Америке. Прости, если делаю тебе больно, но это отчасти и твоя вина». Трудно было придумать, как завершить послание – она не могла написать «Твоя» или «С любовью» и подписалась просто «Диана».

Сначала она намеревалась оставить записку в доме, на кухонном столе. Но затем заволновалась, не переменит ли он вдруг свои планы и вместо клуба во вторник вечером вернется домой, найдет записку и успеет как-то помешать ей и Марку покинуть страну. Поэтому в конце концов она послала ее по почте к нему на фабрику, и сегодня он должен ее получить.

Она посмотрела на часы (подарок Мервина, который хотел приучить ее к пунктуальности). Она знала его обычный распорядок: утром он в цехах, к середине дня поднимается к себе в кабинет и, перед тем как уйти на ленч, просматривает почту. На конверте она надписала «Личное», чтобы не открыла секретарша. Письмо будет лежать у него на столе в стопке рекламных буклетов, заказов, писем и памятных записок. Сейчас он, наверное, его уже прочитал. Мысль об этом навевала грусть и чувство вины, но приносила и облегчение – все-таки он в двухстах милях от Саутхемптона.

– Такси прибыло, – сказал Марк.

Она нервничала. Через Атлантику на самолете!

– Пора идти.

Она скрыла волнение. Поставила на стол чашку с недопитым кофе, встала и приветливо улыбнулась.

– Да, – сказала она подчеркнуто радостно. – Пора в полет.

С девушками Эдди всегда держался застенчиво.

Из академии в Аннаполисе он вышел девственником. Во время службы в Перл-Харборе он ходил к проституткам, но этот опыт вызывал в нем отвращение к самому себе. Демобилизовавшись из флота, Эдди чувствовал себя одиноким, и всякий раз, отправляясь в бар в несколь-

ких милях от дома, он ощущал, как ему не хватает хорошей компании. Кэрол-Энн работала наземной стюардессой на аэродроме в порту Вашингтон на Лонг-Айленде, нью-йоркском терминале летающих лодок. Это была загорелая блондинка с глазами фирменной панамериканской голубизны, и Эдди никак не мог решиться куда-нибудь ее пригласить. Но однажды в столовой приятель-радиооператор предложил Эдди два билета на «Жизнь с отцом» на Бродвее. Дикин сказал, что ему не с кем пойти. Тогда радист повернулся к соседнему столику и спросил Кэрол-Энн, не хочет ли она составить Эдди компанию.

– Угу, – ответила Кэрол-Энн, и Эдди почувствовал, что встретил родственную душу. Кэрол была деревенской девушкой, и свободные нравы ньюйоркцев ей претили. Кэрол-Энн не знала, как себя вести, когда мужчины позволяли себе вольности, и в замешательстве гневно отвергала любые поползновения. Благодаря такому характеру она заслужила репутацию Снежной королевы, и приглашали ее хоть куда-нибудь довольно редко.

Но тогда Эдди ничего об этом не знал. Рядом с ней он чувствовал себя королем. Он повел Кэрол обедать, затем отвез ее домой на такси. У порога Эдди поблагодарил девушку за приятный вечер и, набравшись храбрости, поцеловал в щеку, отчего Кэрол-Энн залилась слезами и сказала, что он – первый порядочный человек, которого она встретила в Нью-Йорке. Не отдавая себе отчета в том, что он говорит, Эдди попросил ее о новой встрече.

Во время второго свидания он почувствовал, что влюблен. В июле, в пятницу, день был очень жаркий, они поехали на Кони-Айленд, на ней были узкие белые брючки и синяя блузка. С изумлением он обнаружил, что ей нравится, когда все видят, что она идет с ним рядом. Они ели мороженое, катались на прогулочном катере под названием «Циклон», покупали смешные шляпки, гуляли, держась за руки, и рассказывали друг другу о себе самые обычные вещи. Провожая ее домой, Эдди откровенно сказал, что ни с кем еще ему не было так хорошо, и она снова его изумила, признавшись Эдди в том же самом.

Вскоре он забросил свой фермерский дом и проводил все время в Нью-Йорке, ночуя на раскладушке в квартире немало этим удивленного, но радушного приятеля-инженера. Кэрол-Энн повезла его в Бристоль, штат Нью-Гемпшир, познакомить с родителями, пожилой миниатюрной и худющей парой, людьми бедными и трудолюбивыми. Они напомнили ему собственных отца и мать, но без их суровой религиозности. Родители Кэрол сами не могли поверить, что произвели на свет красавицу дочку, и Эдди их хорошо понимал, потому что сам недоумевал, как такая девушка могла его полюбить.

Он думал о том, как сильно ее любит, в парке отеля «Лэнгдаун Лон», тупо уставившись в ствол старого дуба. Он словно погрузился в один из тех кошмарных снов, какие начинаются счастливо и радостно, но тут приходит шальная мысль о том, что в любой момент может случиться самое худшее, и вдруг действительно случается то, хуже чего в мире вообще не бывает, и это нельзя остановить, и с этим ничего нельзя поделать.

Еще ужаснее, что они поссорились перед самым его вылетом и расстались, так и не успев помириться.

Она сидела на кушетке в его хлопчатобумажной рабочей рубашке, большие ничего на ней практически не было, вытянув длинные загорелые ноги, и светлые волосы Кэрол шалью лежали на ее плечах. Она читала журнал. Грудь ее, когда-то совсем небольшие, в последнее время набухли. Ему хотелось их потрогать, и он подумал – почему бы и нет? И он просунул руку под рубашку и дотронулся до соска. Она посмотрела на него глазами, полными любви, и продолжила чтение.

Он поцеловал ее в макушку и сел рядом. Она удивляла его с самой первой встречи. Сначала оба вели себя застенчиво, но, вернувшись домой после медового месяца и начав жить вместе на его ферме, она стала вести себя крайне раскованно.

Первым делом она захотела заниматься любовью при свете. Эдди чувствовал неловкость, но согласился, и ему это даже нравилось, хотя каждый раз с трудом он преодолевал

робость. Потом Эдди заметил, что, принимая ванну, она не закрывает за собой дверь. Он решил, что ведет себя глупо, когда сам запирает дверь ванной, и тоже перестал это делать, и однажды она вошла раздетая и плюхнулась к нему в ванну. Он никогда еще так не смутился. С четырехлетнего возраста ни одна женщина не видела его голым. Он пришел в крайнее возбуждение, увидев, как Кэрл-Энн намыливает себе подмышки, и прикрыл скрамное место полотенцем, а она просто подняла его на смех.

Она ходила по дому почти раздетая, каждый раз варьируя недостающие детали одежды. Она была даже, можно сказать, чересчур одета, если на ее теле виднелся только крохотный белый треугольник там, где край рубашки не до конца закрывал трусики. Обычно она позволяла себе и не такое. Он варил кофе в кухне, а она входила в нижнем белье и начинала поджаривать тосты. Или он брился, а она заходила в ванную в одних трусиках, без лифчика и начинала чистить зубы, или заходила в спальню совершенно голая и подавала ему завтрак в постель на подносе. Он думал, что она помешана на сексе, ему говорили, что такое бывает. Но в общем-то ему это нравилось. Даже очень. Ему даже во сне не грезилось, что у него будет красotka жена, которая станет разгуливать по дому раздетая. Он просто счастливчик.

Год совместной жизни совершенно его изменил. Он тоже расстался с предрассудками и ходил из спальни в ванную голый, иногда ложился в постель без пижамы, а однажды даже взял Кэрл прямо в гостиной, на этом самом диване.

Он иногда задумывался, нет ли в таком поведении какой-то психологической ненормальности, но решил, что это вообще не имеет значения, просто они оба ведут себя, как им хочется. Приняв такую точку зрения, он почувствовал себя птицей, выпущенной из клетки. Это было необыкновенное чувство, ни с чем не сравнимое, буквально жизнь на седьмом небе.

Он молча сидел рядом с ней, просто радуясь этому чувству, вдыхая свежий лесной воздух, легким ветерком залетающий в открытые окна. Сумка его уже упакована, и через несколько минут он уедет в порт Вашингтон. Кэрл-Энн ушла из «Пан-Американ» — она не могла больше жить в штате Мэн и ездить на работу в штат Нью-Йорк — и устроилась работать в магазин в Бангоре. Эдди хотел поговорить с ней об этом до отъезда.

Она оторвалась от «Лайфа» и спросила:

— Ты что-то сказал?

— Еще ничего не успел.

— Но собираешься?

— Откуда ты знаешь? — улыбнулся он.

— Эдди, ты отлично знаешь, что я слышу, когда у тебя включаются мозги. В чем дело?

Эдди положил свою большую тяжелую руку ей на живот и ощутил, что он заметно увеличился.

— Я бы хотел, чтобы ты ушла с работы.

— Еще слишком рано.

— Вовсе нет. Мы можем себе это позволить. Я бы предпочел, чтобы ты побольше заботилась о себе.

— Я о себе позабочусь. Когда настанет время, уйду с работы.

Его этот ответ обидел.

— Я думал, ты будешь только рада. Почему ты не хочешь остаться дома?

— Потому что нам не мешают лишние деньги, да к тому же мне нужно какое-то занятие.

— Я же сказал, мы можем себе это позволить.

— Мне будет скучно.

— Большинство жен не работает.

— Эдди, почему ты стремишься связать меня по рукам и ногам? — Она повысила голос.

Он вовсе не собирался связывать ее по рукам и ногам, и ее слова его рассердили.

– Почему ты мне перечишь?

– Вовсе я тебе не перечу! Просто не хочу сидеть дома, как сиделка.

– Разве тебе нечем заняться?

– Чем, например?

– Шить одежду малышу, делать запасы на зиму, побольше спать...

– Ради Бога, помолчи!

– Что плохого в том, что я сказал?

– Для всего этого будет масса времени, когда родится малыш. И последние недели я хочу чувствовать себя свободной.

Кэрл была явно обижена, и он не понял, почему так произошло. Ему надо было уезжать. Он посмотрел на часы.

– Я опаздываю на поезд.

Кэрл опечалилась.

– Не сердись, – сказала она примирительно.

Но он и в самом деле сердился.

– Похоже, я тебя не понимаю. – В его голосе слышалось раздражение.

– Терпеть не могу сидеть, словно взаперти.

– Я хотел как лучше.

Он встал, вышел в кухню, где на вешалке висела его униформа. Все вышло так глупо. Он хотел быть щедрым и предупредительным, а она восприняла это как наказание.

Она принесла из спальни его чемодан. Он застегнул форменный пиджак. Она подняла к нему лицо, и он торопливо ее поцеловал.

– Не уходи сердитым, – сказала она.

Но он сердился.

А сейчас Эдди стоял в парке в чуждой стране, в тысячах миль от жены, с сердцем, налитым свинцом, с ужасом думая, что, быть может, никогда не увидит Кэрл.

Глава пятая

Впервые в жизни Нэнси Ленан почувствовала, что начинает полнеть.

Она стояла в своем номере отеля «Адельфи» в Ливерпуле возле кучи багажа, сложенного для доставки на борт парохода «Орания», и с ужасом смотрела на свое отражение в зеркале.

Не красавица и не дурнушка, но у нее правильные черты лица – прямой нос, ниспадающие темные волосы, аккуратный подбородок; она весьма привлекательна, когда одевается как следует, иными словами – почти всегда. Сегодня на ней легкий костюм от Пакэна вишневого цвета и серая шелковая блузка. Жакет по моде обужен в талии, и именно это подсказало ей, что она располнела. Когда она застегнула пуговицы, на жакете образовалась предательская складка, а нижние пуговицы слегка не совпали с петлями.

Тому могло быть только одно объяснение. Жакет в талии уже талии миссис Ленан.

Вероятнее всего, это последствие завтраков и обедов в лучших ресторанах Парижа в течение целого августа. Она вздохнула. Во время трансатлантического плавания сядет на диету. По прибытии в Нью-Йорк обретет свою прежнюю фигуру.

Раньше она никогда не прибегала к диете. Перспектива эта ее не пугала: хотя она любила поесть, но обжорой не была. Беспокоило ее другое – возраст.

Сегодня ей исполнилось сорок.

Она всегда была достаточно стройной и отлично выглядела в дорогих, сшитых на заказ платьях. Она ненавидела свободный покрой двадцатых годов и обрадовалась, когда узкая талия снова вошла в моду. Она тратила массу денег и времени на хождение по магазинам и получала от такого занятия удовольствие. Иногда она как бы оправдывалась, что делает это, потому что связана с миром моды, но, по правде говоря, ходила по магазинам просто ради удовольствия.

Ее отец основал в Броктоне, штат Массачусетс, недалеко от Бостона, обувную фабрику в тот год, когда родилась Нэнси, в 1899-м. Он заказывал в Лондоне высококлассную обувь и делал с нее дешевые копии, а потом превращал свой плагиат в заманчивую рекламу: рядом с лондонскими туфлями за двадцать девять долларов изображались местные аналоги за десять долларов, а подпись вопрошала: «Находите разницу?» Он трудился изо всех сил, и дела шли хорошо, а во время Великой войны, то есть Первой мировой, получал военные заказы, составившие львиную долю его продукции.

В двадцатые годы он владел уже целой сетью магазинов, торговавших его обувью, в основном в Новой Англии. Когда нагрянула Депрессия, он сократил число моделей с тысячи до пятидесяти и установил стандартную цену шесть долларов шестьдесят центов за пару независимо от модели. Этот смелый шаг окупился: когда все кругом разорялись, его доходы росли.

Он любил говорить, что делать плохие ботинки не дешевле, чем хорошие, поэтому нет никаких причин, чтобы рабочий люд ходил в плохой обуви. В то время, когда рабочие покупали ботинки на картонной подошве, которые изнашивались за несколько дней, обувь фирмы «Блэк бутс» отличалась дешевизной и долговечностью. Отец этим гордился, и Нэнси была с ним согласна. С ее точки зрения, хорошая обувь, производством которой занималась семья, заслуженно обеспечивала большой дом на Бэк-бей, где Нэнси жила, «паккард» с шофером, приемы, которые она устраивала, изысканную одежду и нескольких слуг. Она была не из тех богатеньких детей, что принимают все как должное.

Хотела бы Нэнси сказать то же самое и о своем брате...

Питеру было тридцать восемь. Когда отец умер пять лет назад, он оставил Нэнси и Питеру равные доли акций компании, по сорок процентов каждому. Сестра отца, тетюшка Тилли, получила десять процентов, а остальные десять получил его старый адвокат Дэнни Райли, человек сомнительной репутации.

Нэнси считала, что возьмет дело в свои руки после смерти отца. Тот всегда ставил ее выше Питера. Чтобы женщина управляла компанией – такое было необычно, но случалось, особенно в легкой промышленности.

Однако у отца был способный заместитель Нэт Риджуэй, который теперь ясно дал понять, что считает себя лучшим кандидатом на должность председателя «Блэк бутс».

Но на это место претендовал также и Питер, а ведь он был сыном основателя фирмы. Нэнси всегда испытывала чувство вины из-за того, что являлась отцовской любимицей. Питер считал бы себя униженным и горько разочарованным, если бы ему не досталась отцовская «ман-тия». Нэнси была не в силах нанести ему такой смертельный удар. Поэтому она согласилась, чтобы фирму возглавил Питер. Им, брату и сестре, принадлежало восемьдесят процентов акций, и они всегда, в случае согласия между собой, могли настоять на своем.

Тогда Нэт Риджуэй подал в отставку и поступил на работу в «Дженерал текстайл» в Нью-Йорке. Это была большая потеря для «Блэк бутс», но не только: незадолго до смерти отца Нэнси и Нэт начали встречаться.

Она ни с кем не имела дела после смерти мужа, Шона. Ей просто не хотелось. Но Нэт точно выбрал подходящий момент, когда через пять лет она поняла, что вся ее жизнь – это сплошная работа, никаких радостей, и почувствовала, что готова кем-нибудь увлечься. Они несколько раз обедали, ходили в театры, она довольно тепло целовала его, желая доброй ночи, но дальше этого дело не заходило. Однако когда разразился кризис, Нэт уволился и их роман кончился, Нэнси почувствовала себя обманутой.

С тех пор Нэт добился впечатляющих успехов в «Дженерал текстайл», став президентом компании, и женился на красивой блондинке десятью годами моложе Нэнси.

И наоборот, Питер хозяйничал плохо. По правде говоря, он не годился на роль председателя. Все пять лет его командования бизнес неуклонно шел вниз. Магазины не приносили прибыли, едва сводя баланс. Питер открыл роскошный магазин на Пятой авеню в Нью-Йорке, торговавший дорогой женской обувью, и это занимало все его время и внимание, но предприятие не только не приносило прибыли, но и требовало все новых и новых вложений.

Только фабрика, которой управляла Нэнси, давала доход. В середине тридцатых годов, когда Америка начинала вылезать из кризиса, Нэнси приступила к производству очень дешевых женских сандалет с открытым носком, и они приобрели большую популярность. Она была убеждена, что в женской обуви будущее принадлежит легким, ярким туфлям, причем настолько дешевым, что их не жалко быстро выбросить.

Если бы позволяли производственные мощности, она могла бы выпускать вдвое больше. Но всю ее прибыль поглощали потери Питера, и для развития ничего не оставалось.

Нэнси знала, что нужно сделать для спасения семейного бизнеса.

Сеть магазинов надо продать, возможно – их управляющим, чтобы накопить средства. Вырученные деньги использовать для модернизации фабрики и перевода ее на конвейерный метод, который вводился тогда на более современных обувных производствах. Питеру придется передать ей бразды правления и ограничиться управлением нью-йоркским магазином в условиях строгого контроля над расходами. Она была готова сохранить за ним титул председателя и связанный с ним престиж, а сама будет субсидировать его магазин из доходов фабрики, хотя и в определенных пределах, но от реальной власти брату придется отказаться.

Она изложила все эти соображения в письменном меморандуме, предназначенном только для глаз Питера. Нэнси сказала ему со всей возможной мягкостью, что дальнейший упадок компании недопустим, и, если он не примет ее план, она через его голову обратится к правлению – это значило, что его снимут, а председателем назначат ее. Она искренне надеялась, что здравый смысл в нем возобладает. Если он спровоцирует кризис, это кончится его унижительным поражением и семейным разрывом, который нелегко будет уладить.

Пока Питер не подавал виду, что чувствует себя оскорбленным. Он держался спокойно, говорил рассудительно и по-прежнему относился к ней дружески. Они решили вместе съездить в Париж. Питер закупал модную обувь для своего магазина, а Нэнси ходила по известным салонам, покупала себе наряды и следила за расходами Питера. Нэнси любила Европу, особенно Париж, собиралась побывать и в Лондоне, но тут вспыхнула война.

Как и все американцы, застигнутые войной в Европе, они решили немедленно вернуться в Штаты, и им с трудом удалось достать билеты. В конце концов Нэнси получила билеты на пароход, отплывающий из Ливерпуля. После долгой поездки поездом из Парижа и паромом они вчера прибыли в Ливерпуль и сегодня должны отплыть на родину.

Она нервничала, видя, как Англия готовится к войне. Вчера вечером в номер зашел посыльный и установил замысловатый, но тонюсенький экран на окно. Все окна по вечерам следовало затемнять, чтобы город нельзя было видеть с воздуха. Оконные рамы крест-накрест заклеивали полосками клейкой ленты – это делалось для того, чтобы осколки стекла не разлетались в разные стороны. У входа в отель, а также у входа в бомбоубежище во дворе лежали мешки с песком.

Она страшно боялась, что Соединенные Штаты втянут в войну и ее сыновей Лайма и Хью призовут в армию. Она помнила слова отца: раз Гитлер пришел к власти, нацисты не допустят победы коммунистов в Германии; этот их разговор о Гитлере оказался единственным. Она была слишком занята, чтобы думать о Европе. Международная политика ее не занимала, баланс сил, подъем фашизма – такие абстракции казались глупостью рядом с жизнью ее сыновей. Поляки, австрийцы, евреи и славяне должны позаботиться о себе сами. А ее задача – позаботиться о сыновьях.

Не в том дело, что они так уж нуждались в ее заботах. Нэнси рано вышла замуж и сразу же родила, поэтому мальчики были уже взрослые. Лайм женился и переехал в Хьюстон, Хью оканчивал Йельский университет. Учился ее мальчик не слишком усердно, она расстроилась, узнав, что Хью покупает себе спортивные автомобили, но он уже вышел из того возраста, когда прислушиваются к материнским советам. Не имея возможности уберечь сыновей от военной службы, она не так уж стремилась домой.

Она знала, что война благоприятно отразится на бизнесе. В Америке начнется экономический бум, и у людей появится больше денег для покупки обуви. Независимо от того, вступят ли Соединенные Штаты в войну, армия начнет увеличиваться в размерах, а это значит, что правительственных заказов будет гораздо больше. По всем расчетам, продажа как минимум удвоится, а через два-три года, быть может, и утроится, – вот и еще один повод для модернизации производства.

Но все это меркло и теряло значение рядом с тем фактом, что мальчиков призовут в армию и пошлют воевать, где их ждут ранения или смерть на поле боя.

Вошел портье забрать чемоданы Нэнси и прервал ход ее мыслей. Она спросила, отправил ли уже свой багаж Питер. Она с трудом понимала тяжелый местный акцент, но все же уловила, что Питер отправил на пароход свои чемоданы вчера вечером.

Она решила заглянуть к нему в номер и постучала. Дверь открыла горничная, с тем же гортанным акцентом сообщившая ей, что брат ее отбыл накануне вечером.

Нэнси изумилась. Они остановились в этом отеле вчера вечером. Нэнси предпочла пообедать у себя в номере, Питер сказал, что поступит точно так же. Если брат передумал, то куда же он девался? Где провел ночь? И где он сейчас?

Она решила спуститься и позвонить по телефону, но, честно говоря, не знала, кому звонить. Ни она, ни Питер в Англии ни с кем не были знакомы. Ливерпуль лежит по другую сторону пролива от Дублина, уж не поехал ли он в Ирландию взглянуть на страну, откуда когда-то эмигрировала в Америку семья Блэков? Такой план у них был, но Питер убедился, что не поспеет в таком случае к отплытию парохода.

Неожиданно для самой себя она попросила телефонистку соединить ее с тетушкой Тилли в Америке.

Звонки из Европы в Америку были сплошной лотереей. Линий не хватало, приходилось долго ждать. Но, если повезет, соединить могли и за несколько минут. Слышно, как правило, было плохо, приходилось едва ли не кричать.

В Бостоне сейчас около семи утра, но тетушка Тилли в это время обычно уже на ногах. Подобно многим старым людям, она спала мало и просыпалась рано. И вообще она женщина энергичная и подвижная.

Линия оказалась свободна, наверное, потому, что американские бизнесмены в этот час не успели еще добраться до своих кабинетов, и через пять минут в телефонной будке раздался звонок. Нэнси подняла трубку и услышала в ней знакомый звонкий голос. Она представила себе тетушку в шелковом халате и меховых шлепанцах, скользящую по натертому паркету из кухни в коридор, где на стенке висел телефонный аппарат.

– Алло?

– Тетя Тилли, это Нэнси.

– Боже мой, детка, у тебя все в порядке?

– Все хорошо. Объявили войну, но военные действия еще не начались, по крайней мере здесь, в Англии, еще не стреляют. Как мои мальчишки?

– У них все хорошо. Получила от Лайма открытку из Палм-Бич, пишет, что Жаклин загар очень к лицу. Хью катал меня в новой машине, красивей не бывает.

– Носится как угорелый?

– Мне показалось, он водит очень осторожно... и даже отказался от коктейля. Говорит, что водителям нельзя пить за рулем.

– Это проливает бальзам на мою душу.

– С днем рождения тебя, дорогая. Что ты делаешь в Англии?

– Я в Ливерпуле, скоро еду в порт на посадку, но я потеряла Питера. Решила, вдруг ты что-то про него знаешь...

– Ну, дорогая, конечно, знаю. Он созвал на послезавтра заседание правления, прямо с утра.

Нэнси была озадачена.

– Ты хочешь сказать, в пятницу утром?

– Да, дорогая, в пятницу, это послезавтра, – сказала Тилли с вызовом. Так она давала понять, что она не настолько стара, чтобы не знать, какой день недели будет послезавтра.

Для Нэнси эта новость явилась ударом. Какой смысл созывать правление, если ни ее, ни Питера на нем не будет? Из членов совета директоров остаются только Тилли и Дэнни Райли, которые сами ничего не могут решить.

Тут пахнет неким заговором, подумала она. Что замышляет Питер?

– Какая повестка дня?

– Она как раз у меня перед глазами. Сейчас прочту. «Одобрение продажи «Блэк бутс» компании «Дженерал текстайл инкорпорейтед» на условиях, обговоренных председателем».

– Господи Боже! – Нэнси показала, что она теряет сознание. Питер решил продать компанию за ее спиной! Какое-то время она не могла выдать из себя ни слова, затем дрожащим голосом выговорила: – Будь добра, прочти мне еще раз.

Тетушка Тилли повторила.

Нэнси похолодела. Как Питер сумел все это устроить буквально у нее на глазах? Когда он вел переговоры о сделке? Должно быть, он тайно все это обговаривал с того дня, когда она подала ему свой меморандум. Сделав вид, что рассматривает ее предложения, он фактически плел заговор против нее.

Она всегда считала его слабохарактерным, но никогда не подозревала, что он способен на предательство.

– Ты куда пропала, Нэнси?

Нэнси проглотила слюну.

– Я здесь. Просто я потрясена. Питер скрыл все это от меня.

– В самом деле? Это же нечестно, правда?

– Похоже на то, что он хочет провернуть сделку в мое отсутствие... Но ведь и его не будет на заседании. Мы отплываем сегодня и будем в Америке через пять суток. Правда, Питер куда-то исчез.

– Быть может, он собирается лететь самолетом?

– «Клипер»! – вспомнила Нэнси. Об этом самолете все время пишут газеты. Через Атлантику за один день. Это и придумал Питер?

– Правильно, «Клипер», – сказала Тилли. – Дэнни Райли сказал, что Питер возвращается на «Клипере» и поспеет как раз вовремя.

Нэнси не могла примириться с бесстыдным обманом брата. Он доехал до Ливерпуля, делая вид, что они вместе поплывут на пароходе. Он, по-видимому, исчез, как только они в коридоре разошлись по своим номерам, и ночью помчался в Саутхемптон к отлету «Клипера». Как он мог все время быть рядом с ней, разговаривать и обедать за одним столиком, обсуждать предстоящее плавание и при этом плести свой заговор?

– Почему бы тебе тоже не прилететь домой на «Клипере»? – спросила тетушка Тилли.

Не поздно ли? Питер наверняка спланировал все загодя. Он учитывал, что Нэнси начнет его искать, и наверняка постарался сделать так, чтобы она за ним не угналась. Но планирование не принадлежит к его сильным сторонам, он мог и просчитаться.

Так что призрачная надежда все-таки оставалась.

– Я попробую, – сказала Нэнси с внезапной решимостью. – До свидания. – Она положила трубку.

На минуту она задумалась. Питер уехал вчера вечером и, наверное, ехал всю ночь. «Клипер» вылетает из Саутхемптона сегодня и прибывает в Нью-Йорк завтра, так что у него остается время добраться до Бостона и успеть на заседание правления в пятницу. Но во сколько вылетает «Клипер»? И поспеет ли она в Саутхемптон?

Затаив дыхание, она подошла к стойке администратора и спросила, когда вылетает «Клипер» компании «Пан-Американ».

– Вы на него опоздали, мадам.

– Пожалуйста, скажите мне точное время вылета, – попросила она, стараясь не выдать раздражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.